

Стоянка в Марбунгу

(Секретарь)

*В Марбунгу на пристани белой унылый калека сидел,
Слезу утирал то и дело, в студёное море глядел...*

От моря тянет уже не прохладой, а холодом. Из дальней глубины, будто кто-то мудрый – не жалеет, а говорит: «Не печалься, так жизнь устроена». Новомесячье Старца, скоро первые устрицы. Ясно – как только осенью бывает в нашем краю.

«Бинтуронг» уже у причала.

– Встречаешь? – спросила горожанка в большом клетчатом платке.

Киваю. Со мной все посторонние на ты, так уж повелось.

– Родню?

– Друга.

Она поспешно занимает место на скамейке между мной и парнями гильдейского вида, тоже встречающими. Защитить! Хоть видит в первый раз. Да парни цепляться и не пытались. Не для того встали рано в выходной, притащились в гавань...

– Друга! – продолжает тётушка в клетчатом. – Коли друг, так хватать надо, пока друг, да в храм! Или в управу. А то недосчитаешься!

Теперь парни проснулись, хмыкают. *Месяц Старца, время свадеб...*

Сидим мы на площадке, вниз лестница ведёт к морю, вверх – в город. Корабли отсюда видны, а причалы – нет. Кто встречает уверенно, толпятся внизу. Это кому проезжие телеграмму отбили, на каком пароходе придут. Или кто проезд им сам заказывал: сослуживцам, сотрудникам, паломникам. А здесь – те, кто в гавань явился наудачу, ждёт своих сегодня, или завтра, или сам не знает когда.

– Что ж долго-то так...

– Ну дык-ть, пока проверят, пока то-сё...

– Чего проверять? Не из загранки же.

– А мало ли!

«Ко мне осенью приедет невеста. Не хотелось бы, чтобы ей сообщили про нас с тобой.»

Как будто это от меня зависит. Но да, отчасти от меня.

«Хорошо. Я повода не дам.»

А что позорного можно про нас рассказать, если без вранья? То-то и позорно, что почти нечего. Вот если б мы вдвоём горы своротили...

Повода не дам. Между скамейкой, где я, и лестницей удачно стоит каменная чаша с цветами.

Люди дома Гундинг знают, конечно, когда встречать молодого господина. За ними подтянулись и товарищи его по театру, и почитатели. Надо понимать, Райджанга и те, кто прибыл вместе с ним, с причала выходят первыми. Ибо внизу кричат:

– С приездом! – и хлопают.

Их много, подниматься будут медленно. Прежде них – одиночки и пары налегке: проезжие с лучших мест, им пароходство поклажу доставляет до дверей. Тётушка и гильдейские ребята ждут кого-то попроще, до кого проверка дойдёт ещё нескоро.

– Вам кого?

Нездешний, с небольшим ранцем за плечами, в очках, поднялся быстрым шагом, а на площадке остановился, оглядывается. Его окликнули по-мэйански, он с ответом замешкался, вопрос повторили на арандийском.

Кивнул, отвечает:

– Нужен аптекарь.

– Который?

– Любой. Ближайшая аптека.

– Стряслось что? Может, лекаря вам гаванского здешнего?

– Пока ничего. Заблаговременные меры.

– Вы тогда поднимайтесь дальше, там через улицу, налево, увидите гостинные ряды.

Резко поклонился вместо «спасибо», двинулся, куда указали.

– Царская особа, – говорит один из гильдейцев другим.

– Чего сразу царская?

– Очёчки золотые. И часы.

То есть, видимо, царской веры, кому положено носить золото. В остальном-то особа – моряцкая, в военно-флотской уставной одежде, только без нашивок.

Меж тем Райджанга со своими поднялся, нас миновал. Вид весёлый и тревожный, лицо осенним солнышком выхвачено – будто луч наводил мастер-осветитель. Джанга всегда таков: главный в любом кругу, пусть и не старший. Вот – царственная особа! А гильдейцы его проглядели. Самого знаменитого из молодых лицедеев города Марбунгу.

По одну сторону шагал сам господин Гундинг, его отец, по другую – незнакомый человек, седой и высокий, с цветами. Или поклонники знают, кто это, или вручили цветы Райджанге, а он передал гостю. Не напрасно, стало быть, съездил за море, в Кэраэнг, привёз оттуда собрата по ремеслу: актёра, или постановщика действий, или сочинителя.

Барышня Гундинг не приехала. Ездил Джанга к сестре, она учится в Кэраэнге в Высшем училище. И значит, либо с нею не так всё плохо, как он опасался, либо – плохо, но убедить её вернуться не получилось.

«Что у тебя с Райджангой? – У меня? Что у меня может быть, кто я – и кто Райджанга Гундинг! Его действие проходило через отдел, где я служу, прошло, как вы знаете, с блеском, уже играет на подмостках...»

Мое дело – исчезнуть из его жизни, как он и просил. Это не значит, что он должен исчезнуть из моей.

Море спокойное, огромное. *Морем любое врачуется горе.*

Немало нужно отваги, чтобы играть действие на берегу – и надеяться, что смотреть будут на тебя, слушать твои слова, а не прибой. Да ещё если одному, без артели. Джанга однажды так сыграл. Не в гавани, чуть к северу отсюда, в Приморском саду.

*На краю земли обжитой, где из вод восстаёт Онтал,
Где чисты в ущельях реки, чист навеки Огонь святой,
Не почёта, не корысти – только знаменья я искал:
Здесь остаться? В путь пуститься с поредолой моей ордой?..*

Гуляли вдвоём, грустно было, Джанга спросил: чего бы хотелось? Кому-то помогают сладости, кому-то – напиться, или поцапаться, между собой или с кем-то третьим, но это всё не для нас. А чего тогда?

– В Мардийский театр, и чтобы там шло самое мрачное действие!

Так всегда: если хочется, то неисполнимого. Не для меня же перекроют расписание представлений... Но он сказал:

– А если без театра, прямо тут?

Выбрал «Боярина Амингера», сочинение уж точно из невесёлых. Начал за боярина – и сам отвечал за пророчицу:

*Ты не верь звезде падучей, ни полуночным голосам,
Ни мерцанию металла, ни узору цветных камней:
Ни судьба, ни вольный случай не сотрут, что решил ты сам;
Коль земля тебя призвала – оставайся и властвуй ей!*

Будто бы и вправду всё зависит от нас. Только дальше боярин всё-таки спросит богов и получит ответ: *Если рать твоя ляжет, уцелеешь в Онтале ты, если ляжешь в эту землю – уцелеет твоя орда...*

Очень немного на свете людей, кто играет и в Мардийских действиях, и в Народном театре. Как лицедей, строго по старинным прописям, или как актёр, всякий раз строя роль заново. Райджанга научился и тому и другому, и понятно было: скоро будет и ставить действия, и сочинять. Он ведь и сам такой – потомок древнего рода, но вполне современный малый.

Давным-давно это было, нынешнею весной. И продлись любовь эта год, двадцать лет, сто – всё равно было бы мало. Так что глупо жалеть. И хватать, держать, не отпускать глупо было бы. Тем более раз он друг.

«У него каждые полгода новая зазноба, а женится он всё равно – на ком родители велют, это ж Гундинги...» Младшему сыну разрешили служить не во флоте и не в суде, а в театре, дочь отпустили учиться, но брачные обычаи, конечно, меняются последними.

У него замечательный Амингер, и Доверенный в «Погибели Онтала», и Воровка Джелли – её Райджанга играл в самом Марди, и у нас это действие ставила артель досточтимого Гадарру Гундинга. Переодетый разбойник Матабанга подходит к Джелли, когда она уже любимица Князя, она: *«Прочь! Не знаю тебя!»* – а сама верна бывшему атаману, и всё сделает, чтобы спасти его от казни, но будет поздно, и оплакивать его она будет молча, только танцем... А есть ещё Имана в «Старом капитане», и в собственном Джангином действе – Гость и Раб. Это только уже разученные роли. И дай-то Бог – сколько ещё будет!

В город вышли люди со средних пароходных мест, с чемоданами, ранцами, со всяким снаряжением. Потом с нижних – с узлами и детьми.

Гильдейские ребята пошли вниз и вскоре протопали по лестнице обратно, нагруженные: встретили, кого ждали.

– Гундинг прибыл? – мечется, спрашивает встрёпанный вестовщик из газеты. Увы, пропустил!

Тётушка меня толкает локтем:

– Друг-то что, не приехал?

Приехал, но не объяснять же. Развожу руками.

– Пошли-ка тогда отсюда. А то видишь, какие... собираются.

И верно, пока встречающие и проезжие расходятся кто куда, к лестнице стягиваются девушки, не по-утреннему накрашенные. Или зазывалы из весёлых заведений, или сами по себе. Будут, видимо, ждать, когда в город выйдут моряки с «Бинтуронга». Нас, по-моему, с ними не спутаешь, но ладно, пойдём.

(Отставник)

– Это для чего?

– Защищает от заразы.

– А что смешного тогда?

Твоему Бенгу и обидно, и хочется понять. Не будь сие важно, ты не застрял бы на лишние четыре часа на этом пароходе. И сейчас не стоял бы у всех на виду, у выхода, с мешком гостинцев, вроде распорядителя на детском празднике.

Корабельный лекарь поквитался за всё, что выслушал от тебя по дороге. За вопросы: почему он попутчице твоей дал жаропонижающее, просроченное на полгода? Почему глазных капель на пароходе нет вовсе? А такой-то ваш матрос страдает желчекаменной болезнью – меры принимаются?

И вот, уже сегодня утром. Вопрос о средствах предохранения. «Нет, кишочек у нас нет. – Тоже нет? Почему? – Гильдия не закупает. – А вы заказываете? – Все взрослые люди, сами запасутся, ежели захотят...» И ты знаешь, и он прекрасно знает: не запасутся. Но чем моряки заразятся на берегу – и кого заразят, – судового врача не заботит.

Ты пошёл в аптеку. Там спросили: у вас заказ? – Нет. Нельзя ли без заказа, за наличные, двести штук и прямо сейчас? Оказалось можно. «Ну, раз сами закупили, так сами и раздавайте, от господских щедрот.»

На нынешний день он врач при службе, а ты нет. Не говоря уже о том, что он на днях снова выйдет в море на почтенном гильдейском судне. А ты, отставник, ещё не известно, выйдешь ли когда-нибудь.

Блистательное завершение последнего похода. Стой и раздавай чужим матросам резиновые кишки.

Бенг чувствует – не по глумливой усмешке лекаря, не по тебе, а скорее, по морякам, когда они проходят мимо: дело в чём-то стыдном, но близком, слишком близком к тому, про что ты не хочешь говорить. И думать не хочешь, а всё же иногда думаешь, но не объясняешь.

Защита от заразы, передаваемой при половых сношениях. Люди не верят, что такая зараза есть? Верят, многие на себе испытали. А почему смеются?

Ещё смешнее, когда ты делаешь вид, будто Бенгу, маленькому Змею, о подобных делах толковать ещё рано. На самом деле не он, а ты не дорос до этого разговора.

Одни берут, пожимая плечами. Другие с шуточками, кто-то напоказ хватается побольше, его заранее поздравляют: ого-го! Двое моряков средних лет отмахнулись: «Нам без надобности!» И гордо двинулись в город, не спеша, враскачку – будто год в плаванье пробыли. Молодые снова хохочут, а сами вслед им глядят почти с завистью. У «стариков» есть в Марбунгу давние подруги, почти жёны, им беречься не надобно.

– А почему поход последний?

Бенг уже спрашивал. Флот утвердил твою отставку, ты приглашён работать в Учёной гильдии, здесь, на материке Чегуре, в Мардийском краю, далеко-далеко от моря, вам туда ехать поездом, поезд отходит завтра... По расписанию завтра, а когда пойдёт на самом деле, надо узнавать у путейцев в справочной, и вы туда двинетесь, как только покончите с пароходными делами. Всё это Змей слышал, но не внял.

– Ты прав, Бенг: уже не последний. Последним был предыдущий поход. А в этот раз мы не шли, как моряки, а ехали как проезжающие.

Но до чего же не хочется этого признавать.

– А я понял, – хвалится Змей, – с кем Знаменщик по дороге разговаривал! Тот человек его на берегу ждал.

Разговаривал так же, как Бенг с тобой: силой чудес, а не вслух. Попутчик с похожим даром, человек из Знаменного дома – Гундинг. Змей подслушивал, пользуясь тем, что маленькому простят неучтивость.

– И кто же это был?

– Его учитель. Только я думал, это старец, ветхий, а он – нет. А почему месяц Старца?

– Так по-мэйански зовётся месяц перед осенним равноденствием. Во славу одного из семи богов, как тут считают. Или из семи имён Господних.

– А почему учитель со всеми не пошёл? Они Знаменщика встречали, потом все в город, а он – вдоль моря. Обиделся?

– Ну откуда же нам с тобою знать, почему.

Гундинга на берегу приветствовали во вкусе царской столицы: множество родичей, челядинцев и зевак. Кто из этой толпы был учитель молодого господина, ты не разглядел.

– Он в чёрном и бритый наголо, – поясняет Бенг.

– Значит, по ком-то скорбит.

– Или по всем вообще? По всем, кто умер.

– Бывает и такое.

Ты не собрался постричься, хотя уставная причёска в хвост тебе теперь ни к чему. Отложил до приезда на место, чтобы посмотреть, как принято там: брить голову или, если стричься, то как.

– Старец, имя для самого древнего в мире: для гор и долин.

– Это как твоего наставника звали Дедом?

– Да. Как покойного профессора.

– А для моря?

– Владычица Вод, Старцева супруга. Что ближе человеку и кажется не таким извечным – огонь и воздух – то, по их вере, Отец и Мать.

Списки Змею нравятся. «Старец – горы, Отец – огонь...» Примерно как тебе в детстве занятно было учить названия пар черепных нервов: обонятельный, зрительный, глазодвигательный, блоковый, тройничный...

– ...отводящий, лицевой, преддверно-улитковый...

Бенг тоже уже их выучил.

– А сын? – спрашивает он.

Сын...

Змей спрашивает – значит, ты готов ответить. Так ответь, от слёз твоих, как ты знаешь, мало толка. Хоть и не тебе говорить о сыновьях.

– Сыном и Дочерью зовут совсем близкое: смерть и речь. Но это дети по отношению к старшим богам, а к людям – скорее, как старшие брат и сестра, на кого всегда можно положиться. Ибо смертны все, и речью и разумом в какой-то мере обладает каждый человек.

– А кто седьмой?

– Безвидный, древнее древних или, наоборот, вечно новый, как сама жизнь.

Это имя Змей примерил бы к себе.

Нигде, ни на одном из морей и океанов нет такого берега, куда бы ты мог сойти, и тебя встречал бы твой Бенг – живой человек, твой сын. Или где ты бы ждал его, а он сошёл с корабля. Нигде по эту сторону Божьего мира.

Тем меньше причин торопиться на сушу. Здешнюю или любую другую.

– А это потому, что мы с тобой и так вдвоём.

По пути Гундинг рассказывал про город Марди, где недавно учился: в средоточии богословия и прочих старинных наук, а также лицедейского искусства. Ты решил было обедать у себя в отсеке, но Бенг уговорил: пойдём за общий стол, послушаем! Мы едем не в областную столицу, а в город к северу от Марди, в предгорья, и всё-таки – вдруг в разговоре прозвучит что-то для нас полезное?

Знаменщик этот на четыре года младше тебя. Не без столичного блеска, хоть и видно, и особенно по речи слышно, что в Кэраэнге бывал лишь наездами. В двадцать четыре года ты, кажется, и сам был таков – доволен собою, ближними, миром вокруг, полон всяческих надежд.

Его спросили: а как вас учили, неужто вправду богам нужны все эти ваши моления, приношения, игрища, зрелища? Обученный знаток обрядов отвечал: не в меньшей мере, чем другие занятия. *Разнообразны дары от богов сотворённым созданием...* И если получается что-то делать хорошо, значит, это богам от тебя и нужно. – Ну, а у кого дар, допустим, убивать и грабить? Гундинг в ответ вспомнил известную загадку о трёх братьях. «Им было предсказано: одному – резать людей, другому – обманывать, третьему – наживаться на их имуществе. Отец, узнав о том, выгнал всех троих из дому – и прогадал. Почему? Потому что один брат стал врачом, хирургом, другой лицедеем, а третий занялся ссудным делом.» Последнее, видимо, особенно лестно для Знаменного дома: Гундинги же когда-то основали один из первых в Мэйане банков, королей смещали, как хотели, на правах главных заимодавцев Короны.

– Лучше бы им на роду было написано: ушивать, убеждать, платить по счетам, – отозвался ты.

– Это как?

– Чтобы банкиру, например, суждено было не только принимать вклады, но и выплачивать доход по ним, – отвечал за тебя Гундинг.

Ещё он говорил о храме недалеко от Марди, где провёл положенный срок коронной службы: не в войске и не во флоте, а в Охранном отделении, приданный в качестве порученца жрецу мэянской веры. Тот был из войсковых, одержимость пережил уже немолодым, в высоком чине, но – набрался решимости «начать жизнь сначала», принять священство. Выбор был между храмовым саном и приютом умалишённых, его можно понять. А Знаменщик закалял своё смирение. «Кажется, я был неплохим чучелом для упражнений. – Воинских?! – И богословских, и человеческих...» Завидное, должно быть, чучело: некрупный, быстрый, лица не держит, но личины меняет легко, от добродушно-благостных до пронизательных и едких.

Приюта и ты не минуешь, если будешь вести себя, как сейчас. Однажды в Охранном спросят: «Вы почему всё время сосредоточены? Вам ваши воля и рассудок больше не нужны? Работать как следует не собираетесь? – Не всё время, а не более шести часов в сутки, для меня это не предел, вот выписка по итогам обследования.» Вышколен долгой учёбой, ещё с детства, потом испытан флотской службой... «Да и называть сие сосредоточением не вполне верно. Просто я разговариваю со Змеем. – С кем? – С недавних пор со мною беседует Змей. Юный, ко всему любопытный. Пытаюсь, как могу, отвечать на его вопросы, заодно упорядочиваю собственные знания. – Лекарские ваши чудеса дозволены к применению. Но Змей-то тут при чём?» Он нужен, чтобы тебе, лекарю, самому было за что держаться в жизни? Не ответ.

Не ты первый и не ты последний, кто от избытка веры – или наоборот, от безверия – додумался до того, чтобы слышать глас Божий. «А почему другие его слышат, вашего бога?» «Потому что он существует, а не создан моим воображением» – ответ правильный, но негодный. «Потому что моё сумасшествие заразно?»

Не все, но некоторые слышат и видят. Почему – вопрос не к тебе, ты не чародей. Просто одержимый.

Ты же не того боишься, что запрут, и даже что вправду сойдёшь с ума. Боишься, что Бенг однажды замолчит – и больше не появится.

Гундинг чародейские разговоры вёл не с Господом, а с себе – и тебе – подобными, потомками царей. Кратко сообщал учителю, что здоров и на парохоме всё в порядке, потом звал другого собеседника – и продолжал спор, вероятно, не законченный в Кэраэнге. О том, что никакие успехи науки не стоят того, чтобы угробить несколько молодых жизней. Даже если «кто-то должен», даже если страшные недуги получится не просто излечивать, а насовсем обезопаситься от них. «Есть же способы испытывать это ваше новое средство не на вас самих! Нет? Так ищите, Господа ради, ищите сначала такие способы!»

Змею хотелось, чтобы уж тут ты высказался как обученный лекарь. Тем паче что ты и сам прислушался и даже засомневался: не рано ли

уехал? Идут испытания нового лекарства или методики. Учитывая сомнительную здравость твоего рассудка – что, если ты смог бы принести больше пользы в качестве испытуемого?

Бенг только фыркнул – но приборы учёта чар замигали по всему пароходу.

Случай высказаться представился, но другой.

– Вот вы про прострел слышали? – спросил один из попутчиков.

– Мэйанское название для люмбаго?

– Чего? Нет, трава прострел. Чудо как помогает: и боль снимает, и одышку, и от кашля – первое дело!

– Прострел, он же сонная трава или онтальский подснежник, – перевёл для тебя опять-таки Гундинг. Кому как не ему, ценителю всего прекрасного, разбираться в растениях.

Ты присмотрелся к попутчику.

– У вас грудная жаба. Из-за сужения сердечных артерий. Сонная трава тут не поможет.

– А мне помогает, да еще как! И тесть мой им от кашля вылечился!

– Это средство только снимает боль, но не влияет на причину болезни. Если не пытаться лечить причину, вероятность смерти в ближайшие пять лет весьма высока.

– Да ну вас!

Взгляд внутрь живого тела. Божья милость даёт тебе увидеть, где и что у кого болит. Навык полезный, приём дозволенный. Ещё бы ты себя сдерживал, а не вглядывался во всех и каждого, когда тебя не просили.

(Секретарь)

Безумие! Джанга утром сошёл с корабля – а вечером собирается играть. В Народном, расклейщик уже ходит по городу с листками: «СНОВА РАЙДЖАНГА ГУНДИНГ».

Якобы Джанге нетрудно. Одно удовольствие, и всё равно отдохнуть не сумеет, пока не сыграет, что придумал в Кэраэнге и по дороге.

Пьеса затем и сочинялась, чтобы её можно было менять под новые мысли и настрой. Изначально более гибкая, чем даже старые сочинения. Потому и прогремела: закончена весной, а к осени её играют две артели в Марбунгу, одна в Чалбери, ещё одна в Марди разучивает, а теперь, возможно, возьмётся и Кэраэнг.

Замысел, по словам Джанги, пришёл в голову его отцу, когда советник Гундинг поглядел на первую Джангину пробу сил в Народном театре. Понравились ему кроме сына только два актёра: немолодой мастер Нуралли и мастер Намай, орк. «Но что проку в остальной толпе? Особенно в дамах и девицах?» Джанга взялся объяснять: видишь ли, батюшка, театр принадлежит к гильдии Увеселений, где свои правила, сколько надо занять опытных работников, сколько новичков, сколько мужчин и сколько женщин, на племена своя разрядка... «Ну, раз так...» И тем же вечером и ночью в общих чертах сложилась пьеса, где все заменимы: могут играть три женщины, трое мужчин или в любом другом

соотношении. Новаторство не на пустом месте, а с учетом гильдейских условий.

Время действия – примерно полвека назад, вскоре после отмены рабства. Старуха из бывших рабовладельцев (или старик), бывшая невольница (невольник) и молодая гостья (гость), точнее, особа, пришедшая по объявлению. В газете было сказано: продаётся домашний любимец, утешит вас в любом горе и разделит с вами любую радость. Знающие читатели тех времён понимали: речь не про собаку или кота, а про тайную незаконную продажу разумного создания, раба. И дальше постепенно мы узнаём, кто такие все трое.

Пьеса должна была пройти цензуру. Райджанга с рукописью явился сам, ждал, пока я заполню тетрадь поступлений, а потом спросил:

– Где я вас видел?

В первый год нашей старшей школы, весной, в Новогодие. Наш отряд ехал позориться в школу короля Эйкана. Позориться – потому что у кого из нас было «превосходно» по танцеванию, у тех не было приличных платьев, или наоборот. Или, как у меня, ни того, ни другого не было. Некоторые просто не поехали, но у моей подружки учился в той школе любимый – теперь уже давно супруг, и чтобы свидание не сорвалось, кому-то (мне) надо было их постеречь.

Школьницы сидели впятером в последнем возке, день был пасмурный, ветер, и чуть лишь тронулись с места, услышали с дороги:

– Погодите! Меня возьмите!

Кто это? Неужто кто-то из наших домоседок решился-таки ехать?

В возке уместился жёсткий дождевик, под ним – бальное платье, судя по шороху, более чем приличное. И почуялось благоухание: таких духов у нас в отряде точно не было ни у кого, даже дома, даже к свадьбе не припасено. Возок тронулся, незнакомка откинула капюшон. Сказала негромко, но непререкаемо:

– Тихо, барышни. Я Райджанга Гундинг.

О, это имя мы слышали! Воспитанник Эйкановой школы, недавно оттуда выгнанный, не допущенный к присяге. За поведение, не совместимое с честью коронного дворянина. В чём оно состояло? Ходили ужасные слухи, а ещё – что он Райджанга от позора заболел и умер, или выжил, но сошёл с ума, или умом уцелел, но раз не дал присяги, то пустился теперь в совсем уж неопишуемые злодеяния...

Нет, его люди (в личинах и с пистолями) не скинули в канаву школьного возчика, не угнали возок с нами пятерыми, не продали благородных девиц за границу и даже выкупа у наших родных или у школы не запросили. Просто Райджанге надо было явиться в свою школу и не быть сразу узанным, он решил затесаться в толпу барышень из школы королевны Лэйгари. Платье и духи позаимствовал у сестры, а пудру и помаду – в лицейской артели, где уже начал учиться.

В тот вечер Джанга был очень, очень благородный разбойник. Мы приехали, когда уже начинался дождь. Выслушали приветствия и напутствия, заиграли музыканты. Как незнакомка танцевала – в первой паре, со светловолосым красавцем юношей из школы Эйкана! Потом оказалось, это был Джангин друг, им надо было обсудить подробности

дерзкого замысла. Джанга в пятнадцать лет красавицу играл вдохновенно, совсем без пережима. Очень знатная и гордая девушка, поди подступись к такой с вопросом, откуда она! Надзиратели и не стали спрашивать. А вскоре грянула гроза, и в школе благородных юношей погасло электричество. До сих пор не знаю, было так задумано или вышло случайно. Залу осветили чародейскими бледными фонарями, танцы продолжились, но частично юношество уже разбрелось по школе. В том числе и моя подружка с будущим мужем. Караул мне предстояло нести на скамеечке у окна в проходе верхнего этажа, возле двери в одну из отрядных спален.

Какое-то время мне там было слышно только гром и дождь. Потом появилось двое парней, успевших под покровом тьмы (или заранее, для храбрости перед балом) крепко выпить.

– Бар-рышня, ты ч-чѐ тут скучаешь? Идѐм с нами!

Сижу отдыхаю, здесь хотя бы не так душно, как внизу.

– Устала? Так мы т-тя отнесѐм!

И потащили было к лестнице.

– А ну, вон отсюда, недоумки! – раздался голос разбойника Джанги. Он ворвался уже в мужской одежде и с оружием.

В настоящей приключенческой повести на этом месте несчастная (я) лишилась бы чувств.

А неплохо было бы вправду – лишиться, и очнуться пять лет спустя, за столом секретаря в Цензурной палате, и там сидел бы Райджанга, а передо мной лежала его рукопись. И не было ничего в промежутке: ни старшей школы, ни свадьбы, ни усадьбы, ни развода.

Или – в день, когда Джанга в первый раз остался у меня. Говорил про своё действо, его уже приняли к постановке. Про то, какие ещё сочинения хотел бы увидеть у нас в Марбунгу в театре, а какие – сам сыграть. И каким воображает собственный театр – Народный, не Мардийский, устроенный так, чтобы совсем всё в нём было по нраву. Казалось тогда, в том театре будет место и мне.

Взял за руки, спрятал лицо мне в ладони...

Нет. Не могу. Не реветь же теперь на всю улицу.

Пусть лучше – когда «Любимца» разучивали на подмостках, и можно было в театр ходить каждый день вместо службы. Цензуре надо было знать, какая в этой постановке мера отступлений от утверждённой росписи речей. А никакая! Слова всё те же, разница – только в игре.

Или в день первого представления. А лучше не первого, а третьего. Когда никто уже не боялся, играли – будто не один Джанга, а каждый из троих сам это действо сочинил. Нуралли и Намай – актѐры знаменитые, чего только не ставили, могли первый опыт молодого собрата не принять. Но «Любимца», кажется, сами полюбили.

Или уж сегодня очнуться? Чтобы Джанга вернулся в Марбунгу из-за моря, а мне незачем было делать вид, что я просто сижу в гавани, не его встречая?

Или приберечь на потом. Может, будет день лучше нынешнего.

Осенью город Марбунгу прекрасен. Старые улицы, Коинский квартал, Дворцовый сад, Приморский, крепостная стена – гуляй хоть

целый день. Скоро устрицы, дожди, бури, разве что в пору листопада будет ещё сухо и ясно. А там опять бури и зима, и Владыкин месяц, и как объявлено, Джангина артель не уедет, а будет тут принимать гостей. Вчетверо больше представлений, чем в обычные месяцы.

«Повода не дам». Спасибо! – ответил Джанга. И поцеловал.

«Просто у него нет любовных ролей. – Как это нет? Он всё играет про любовь. – Ну да: к семье, к войску своему, к господину... А хочется про парочку, а с тобой ясно: ты развесишь уши, но не станешь сочинять свадебное платье, дом, детишек, что там ещё...»

Про влюблённого мужчину? Только однажды, вполголоса, дома, пропел песню Боярина из «Погибели Онтала», не из своей роли: *Что случилось меж двоими, никуда не делось...* И не делось же. И любил, просто – прошло. Вот и распрощался перед отъездом.

Говорят: «остаться друзьями». Не получится.

Раньше надо было про это думать. «Ты себя нарочно ведёшь, как образцовая восточная женщина? Как преданная Сподвижница, чтоб не сказать – как Благодарная Свинья?» Это ведь очень быстро надоедает. Свинью, кстати, Джанга однажды играл. И услужливостью своей довёл Праведника до белого каления. Праведника играл его дядюшка и наставник, досточтимый Гадарру.

Казалось: пригодится то небольшое, что я умею. Например, Мардийская артель в храме продаёт книжки с пьесами, зрители их охотно покупают. Есть разница: толстый сборник – или театральные издания, где действия по одному, да с картинками! Но книжек постоянно не хватало, я спросила: почему? Джанга сказал: у храмовой лавочки дел полно и без них, да и дорого допечатки заказывать, невыгодно. Дорого – если для каждого действия по отдельности. А если сразу большим заказом, куда вписать несколько пьес, не обязательно даже только те, какие играют сейчас? Как коронные ведомства заказывают: тридцать три устава разом, а для печатников это всё одна работа. В итоге взялась следить за книжным запасом и размещать заказы, раз уж я в Печатной гильдии всё равно по службе бываю. А заодно – чтобы были печатные же листы для приглашений, свои к каждой пьесе. Чтобы досточтимый Гадарру меня не выгонял с артельных посиделок: вроде как уже не совсем чужая.

И вокруг «Любимца» тоже хлопотала по мелочам. А между Свиньёй и другом разница – всего лишь в том, сколько на себя берёшь. Мелочи – или всё сразу.

Как друг – это как то, что Джанга перед отъездом мне рассказал про свою задачу в Кэраэнге. Что сестра его в Училище на Естественном отделении встретила коллегу – царского потомка, ему из-за чудес жениться почти ни на ком нельзя, только на девушке особенно устойчивой к чарам. Свататься к барышне Гундинг – нечего и думать, она сама с царями в родстве. А коллега влюбился. И нашёл любви своей применение в работе: в исследовании заразных недугов. Беда в том, что сестре Джангиной эта работа сильно понравилась, и наставница не сумела её разубедить. При встрече Джанга думал уговорить сестру не связываться хотя бы в испытания на себе новой разновидности прививок.

Из того, что про эти изыскания пишут, понятно пока немного. Вот оспу прививать научились сто лет назад. Была война, мор в войске, и оказалось – в коннице потерь меньше всего. Потому что лошади болеют своею оспой, но легко, и люди, заражаясь от них, недуг переносят легче и к человеческой оспе становятся стойки. Привили человеку оспу от коня, появилось несколько оспин возле места укола, но и только. И с тех пор оспу прививают всем. И изучают: нельзя ли с другими недугами бороться так же, только брать вместо лошадей – кого-то ещё? Недавно решили исследовать тех, кто способен к самоисцелению, как люди царского рода. «Прививаясь от оспы, никто не сделался конём-оборотнем. Так и тут родовые так называемые Змиевы свойства через прививку не передадутся...» Когда вот так заранее ободряют, читать ещё страшнее.

Но Джанга хотя бы приехал. Что он к сестре пробрался в Кэраэнге куда угодно, даже куда посторонних не пускают, – сомнений мало. И что не двинулся бы обратно, не удостоверившись, что сам здоров. Но убедил ли сестру и коллегу её – как теперь узнать...

Самоисцеление Джанга сам пережил однажды. Из-за чего он на самом деле ушёл из школы. Зимой, перед присягой, выпил с приятелями, а в водке оказалась отравка. И сработала его Змиева природа: начала с отравой бороться, как если бы он молился об изгнании яда и в ответ на молитву явилось чудо. Только он этого ничего не помнит, не сознавал себя тогда и несколько дней ещё пробыл в беспамятстве. Почему и решено было: дальше он учится в храме. Присягу всё равно дал, Охранную, но чтобы поменьше людей про всё это знало, объявили, будто его из школы за пьянство выгнали. «А на бал пробрался весной – чтобы расквитаться с теми, кто, как я думал, меня пытался отравить. Хорошо, что не преуспел.»

Площадь перед Народным театром, пока пустая. И на ней, ближе к двери в контору – тот военный моряк с парохода. Стоит, задумавшись.

– Ищете, как попасть в театр?

Джанга пригласил попутчика к себе в гости, но не объяснил, где в театре дверь для сотрудников? Она в этом сложно построенном здании неочевидна, а вход для зрителей пока заперт.

Гость взглядывает в сторону конторы.

– На нашу долю не досталось.

– Мест?

Он кивает.

Немудрено. Места распродают за полмесяца вперёд, а если что и оставалось к сегодняшнему утру – разлетелось, как только по городу расклеили листки, что Райджанга вернулся.

Стало быть, Джанга попутчика не приглашал. А тот всё равно хотел бы увидеть его на подмостках.

– Могу вас провести, у меня пропуск на два лица.

Раз уж вы изволите говорить стихами. *На нашу долю не досталось больших страстей. Учись ценить любую малость – и с ней взрослей. На нашу долю не хватило большой любви, запомни то, что было мило, и с тем живи.*

Если вдруг намерения моряка дурные, если, допустим, он действие не смотреть собрался, а испортить, то хорошо бы Джанге о том знать заранее. От меня – не получится, через кого-то попробую предупредить.

(Отставник)

Иногда Бенгу надоедает быть мудрым степенным Змеем. Тогда он принимается повторять одно и то же, как малое дитя.

– Хочу в театр. Хочу в театр.

Вы выбрались наконец из гавани, дошли до Путейского двора, оставили там поклажу, отметили в проездных грамотах свою «стыковку» – пересадку с парохода на железную дорогу. Поезд на Камбурран завтра днём. Заночуете вы в путейской гостинице, а пока надобно решить, чем заняться.

– Хочу в театр!

– Может быть, в зверинец? Кажется, здесь он есть.

– Можно. Но туда утром. А сегодня в театр.

Ты ни разу не бывал в мэйанском театре. По чести сказать, и в восточном был всего раз или два, перед женитьбой, когда юношам надлежит появляться в свете. Обычно же лицедеёв видел, когда они давали представления в лечебнице.

Ты пытался объяснить: это будет совсем не то, к чему вы привыкли. С западной музыкой или вовсе без неё, без кукол, и содержания действия вы, скорее всего, не знаете, так что едва ли что-то поймёте.

– Не важно. Хочу в театр.

Вышли к зданию Народного театра. В конторе вам ответили, что мест на нынешний вечер нет. «Заранее надо было озаботиться...»

Посмотрим завтра, можно ли в этом городе попасть в зверинец – или тоже нельзя.

И вот эта особа. Женщина, молодая, невысокого роста, в широких чёрных штанах и чёрной вязаной куртке, башмаки мужские, волос не видно под шляпой с висячими полями. Через плечо сумка вроде почтовой, на шее вместо шарфа цветастый платок. Должностная одежда какого-то мэйанского ведомства? Ты не помнишь, какого.

Предлагает провести на представление. Служительница театра? Ты думал, Змей смутится и уймётся. Не тут-то было:

– В театр! Попробуй только откажись!

Так не делают. Но если Бенг чего хочет, этого хочет Бог.

– Нежданное благодеец, – говоришь ты вслух и кланяешься.

Похожие штаны, платки и шляпы тебе уже попадались в городе. Или именно это создание?

– А почему все местные на одно лицо?

Змей спрашивает с подколкой. И он прав. Ты воображаешь, будто уехал за девяносто девять земель, а не переместился из одной области Объединённого Королевства в другую. Вот почему.

Лицо такое, по правде говоря, легко представить и в Кэраэнге, и тем более в западных городах Аранды – если бы однажды тамошним

женщинам запретили краситься. Светлая кожа, круглые тёмные глаза, кислая улыбка.

Ладно, тогда ты спросишь:

– Я мог вас где-то видеть раньше?

Вопрос очень не понравился. Или наоборот? Перестаёт улыбаться, подсказывает чуть другим голосом:

– Утром в гавани, на лестнице. Вы спрашивали про аптеку.

– Действительно.

И уж чтобы тебе не теряться в догадках:

– А что собой представляет подобный пропуск?

Она вытащила из сумки, показала тебе – не из пальцев, а на раскрытой ладони: «Цензурная палата Приозёрья. Секретарь Такая-то. Проход на мероприятия Печатной, Учёной, Увеселительной гильдий с одним сопровождающим». Так протягивают горсть орехов. Или шарики для самострела, предлагая выбрать цвета перед поединком.

– Ценное преимущество моей службы, – говорит она.

Ты был невежей. Решил убедиться, что у неё вправду есть то, что она пообещала? И как ты теперь спросишь, что мог бы сделать взамен, в виде ответной любезности?

Ты представляешься на словах:

– Чангаданг, отставной полусотник военно-врачебной службы. Еду в Камбурран, получил место в тамошней гильдии.

– Надолго в Марбунгу?

– До завтра.

Это, кажется, первое, что секретаря порадовало. Глядит на свои наручные часы, говорит:

– До представления ещё четыре часа. Пойдёте по делам, а без четверти семь вечера встретимся здесь?

Следовало бы сразу согласиться. Ты промедлил.

– Или, если особых дел у вас нет, можем кофея выпить. С пирогом. И погулять. А потом ещё кофея. И в театр.

И что, Змей?

То же, что всегда.

Ушли с площади, двинулись по улице между краснокирпичных казённых зданий. В середине праздничного дня людей здесь немного. Если бы кто-то следил за чарами, творимыми в городе, вас с Бенгом уже призвали бы к порядку. Значит, можно.

Ты смотришь на ходу. И говоришь:

– Это не болезнь. Тяжесть в груди – тупая, надоедливая, из-за нее все краски словно бы тусклее, звуки глуше. Еда без вкуса, выпивка без крепости... И временами острая тоска, ощутимая телесно, а не умом и не душой. Есть выражение: «сердце кровью обливается», оно вполне удачно. Но это не недуг. Не бойтесь, и если врачи вам говорят, что ваше сердце в порядке, не подозревайте их в невежестве или злокозненности.

Глядит со вниманием, но без испуга. Храброе создание? Впрочем, неудивительно: чувство опасности тоска тоже притупляет.

– Это то, что мне моя служба даёт сверх положенного всем врачам.

Применить твой дар сейчас – хотя бы честно. Чтобы не должать за любезность. Ты не увидел ни сердечного недуга, ни других, и если сие создание умное, оно хоть здравую своему порадуется. Если глупое, да из тех, кто скорбями гордится, – то обидится, и не будет вам со Змеем театра.

Или просто не поверит тебе, как большинство не верит.

– Дар ясновидения, как у семибожных жрецов Владычицы или Безвидного?

– Нечто похожее, если меня верно учили начаткам богословия.

Про царское родство не спрашивает. Говорит:

– Я правильно понимаю, что у вас у самого всё примерно так? По части сердца, красок и всего остального? И беспросветности, в общем-то не совсем объяснимой? Когда умом понимаешь, что всё могло быть хуже, гораздо хуже, но – мало помогает?

Отражает тебе твои же выкладки? Или ты совсем разучился держать лицо?

– Одно из двух, – отвечает на незаданный вопрос. – Или вы эту тоску играете, и тогда вы лицедей – из лучших по обе стороны моря. Или это всё не игра, а – увы...

Театральная наука тоже чего-нибудь да стоит? А в ней расписано, как должен двигать лицом и телом скорбящий, радостный, гневный и так далее?

– Возможен и третий случай, – возражаешь ты. – Когда ясновидец настраивается на изучаемую особу и собственными чертами воспроизводит её черты.

Немногого стоит такой ясновидец, ну да ты и не притворяешься светилом чародейского искусства.

– Хм... Но вы бы не успели: вы ведь уже с парохода таким сошли.

В тот час и вправду мысли твои были – про аптекарский товар, не до лица было.

– А вы...

Не дожидается, пока ты подберёшь слова:

– Говорите «ты», если удобнее.

Это ещё зачем?

– Раз уж взялись учить, – поясняет создание.

Когда ты учил? А про врачей, – подсказывает Бенг. В самом деле: быть может, странное сие существо во всём диковинно и лекарке своей доверяет?

– На «ты»? Чтобы вам тоску вашу подпитать ещё и беспричинной неучтивостью окружающих?

Со вздохом:

– Так не беспричинной же! Если я хандру холю и пестую, вместо того чтоб взять себя в руки, то за что же уважать...

Чутьё на злого человека. Когда хочется, чтобы обидели, оно особенно точно. А иначе и зачем было подходить к тебе.

Лучше так, чем резать себя лезвиями или жечь огнём?

– Все пестуют. По крайней мере, очень многие. После вспышки, той, острой, повседневная боль какое-то время кажется легче.

Не хватало ещё добавить: по себе знаю.

Ты тоже режешься о других людей. Но ты делаешь и ещё гораздо худшее: пугаешь и обижаешь Бенга, чтобы потом ещё горше горевать самому.

– Не пройдёт, – сообщает Змей, всё это понимая. – Сегодня в театр.

– Всяко, – молвит созданье, сворачивая в переулок, – я вроде бы неплохо справляюсь. Не лежу носом в стенку, по городу вот хожу... А вы так вообще на новую службу едете. Это достойно кофею, я считаю.

(Секретарь)

Подвальчик с разными видами кофейных зёрен и с пирогами: начинки на выбор, их положат в тесто и запекут, пока кофей варится. Пекут не в печи, а на горячем противне над горелкой, это очень быстро. И так, одна кружка с сахаром, другая – без, один пирог с креветками и сыром, один с сыром и ягодами.

Можно бодриться и держаться, но когда спрашивают, чего хочешь из еды, – такие, как господин полсотник, отвечают с трудом и видно, что наобум. Глупый вопрос, потому что хотеть – вообще глупо.

Стол возле окна, отгорожен стеночкой, за окном видны только кирпичи, да низ решётчатой ограды, да башмаки прохожих.

– Что вы начинали спрашивать, когда я перебила?

Вспоминает.

– А. Вы в цензуре затем и служите, чтобы на представления ходить без хлопот?

Нет: затем, чтобы в рамках закона утолять ненависть ко всему свету! Люди мне приносят лучшие свои мысли, заветные творения, а я на них шлёп – печать: ЗАПРЕЩЕНО. И ха-ха-ха зловещее.

– Я про такую льготу заранее не знала, хоть теперь уже – да, она ценнее всего прочего. Искала службу после развода, увидела первое незанятое место в Марбунгу, туда и нанялась.

Взглянул чуть по-другому, поверх очков. Сидит, сдвинувшись с тарелкой и кружкой как можно ближе к краю, чтобы середина стола оставалась пустой.

– Развод – тяжёлый, в нём и есть причина тоски?

– Вы же знаете, раз изучали такие состояния. Причина в том, что на свет родилась.

Кивнул:

– Или даже раньше, где-то во времена сотворения Мирового Столпа. Наоборот, из-за тоски семья распалась? Родные вам указывали, чтобы вы себя взяли в руки, а как это сделать – как водится, никто толковых советов дать не мог? Или давали такие советы, что вы сочли разумнее бежать куда глаза глядят?

Могу вообразить. Особенно если бы то были советы, чем лечиться. Тут доктор дело говорит. *Выбросьте в мусорку ваши пилюли: толку не будет от этих пилюль, если надежды кругом обманули, если все замыслы схлопнулись в ноль...*

– Нет, злой свекрови или кого-то такого у меня не было. Я замуж вышла сразу после школы, не успела ещё отойти от школьных мерок.

Моя подруга очень хотела, чтобы наши с ней свадьбы были в один день, иначе получалось якобы нечестно. У неё-то жених уже давно был, любимый. А меня как раз посватал сослуживец батюшки за своего сына. Тот на двенадцать лет меня старше, но был всё ещё не женат, ибо – как по-мэйански говорят, тюха.

– А что это значит? «Слабовольный»?

– Да, не могущий за себя постоять. Только не всегда это от слабой воли: бывает, сознательно решил человек делать всё, как родители скажут. Ну вот сказали – жениться... Я согласилась, нас поселили в мужниной усадьбе. Домик с участком, довольно далеко от города. Муж большую часть времени был на службе или в дороге, я пыталась хозяйничать. Наверно, могла бы в этом найти себя: *десятина родимой земли*, полезный труд на чистом воздухе... Но как-то меня тамошние урожаи не радовали, и бросить оказалось не жалко. А супруг, как зажил самостоятельно, встряхнулся – и вскоре влюбился. Сказал, что у него другая женщина, я подписала разводную и уехала.

И опыт исчезать из чьей-то жизни у меня к нынешнему году уже был. Пригодится?

– С трудом могу себе представить. Мой клочок родной земли, или как вы сказали, весь в городе, в Кэраэнге, под отцовским домом.

– А тот дом, где я росла, давно продали, родители переезжали несколько раз, по всему Приозёрью. Сейчас батюшка уже в отставке, поселился тут недалеко, в Онтале, вот у него-то сад в полном порядке. Внуков из школы к себе забирает на отпуск, они немаленькие уже. Дети брата, брат меня старше, служит с женою вместе в Корбери, на Озере...

Это как пироги без вкуса, как кофей почти без запаха. Разговоры без смысла, просто чтобы что-то брэнчало возле уха.

– Вы, получается, здесь в городе одна, – подытоживает полсотник.

Ну, почему же одна. Вон те высокие ботинки в окне мне не просто знакомы – они-то мне и нужны. Почему бы, Бонго, тебе не зайти сюда?

Зашла. Прошу прощения у полсотника, отлучаюсь от стола к стойке. Бонго садиться не будет, забирает на вынос: молотого «Мирмана» и готового теста в большой мешок.

Если есть у Джанги в Марбунгу друг, больше того – друг-соперник по ремеслу, то это Бонго. Школьные его друзья служат теперь кто где, самый близкий – на другом конце Приозёрья. А Бонго тут. Пыльник нараспашку, рубаха под ремешок, шаровары, наряд как раз по ней. «Можно про девушку сказать – детина?» – спросил когда-то господин Гундинг. Ей понравилось: здоровенная детина! А как легко она танцует, похвалила сама госпожа Гундинг.

Они не приняли бы её, не приглашали бы в дом, если бы не знали, что Джанга с нею очень хорошо ладит. При всём соперничестве. Бонго – из семьи большого начальника Горной гильдии, замуж не пошла, приданое забрала как выдел и вложила в собственную актёрскую артель. И набрала прекрасный состав. Даже для «Любимца» есть у них Старуха, хотя в таком начинании – только женскими силами, без мужчин – самая большая трудность с актрисами зрелых лет: слишком непривычно.

«Кабы тебе был нужен театр, а не Джанга, ты бы давно работала у меня. Хоть тем же секретарём.» Что правда, то правда. Но ведь и мне Бонго – друг? Даже если я её урокам почти не следую.

Про решение Джангино она знает, так что я без объяснений:

– Ты не могла бы передать Джанге, что его попутчик с парохода, флотский врач, ищет способа попасть нынче вечером в Народный? Скорей всего, это ничего особенного не значит, но если у них ссора по дороге вышла, то имеет смысл быть настороже.

Бонго вздыхает: опять за своё? Всё ищешь, как бы услужить?

Но приглядывается, что за флотский. Не вломить ли ему заранее, хотя бы на словах, чтобы Райджанге на него не отвлекаться.

Хмурый парень в очках, ненамного нас старше. Редкий случай, когда в зелёном своём уставном человек выглядит не браво, а наоборот. *Моряк потерянного флота...* Вредный – может быть, но не настолько заманчивый противник, что Джанга нам не простил бы вмешательства в распря.

– Угу. На тебя не ссылаюсь. В кофейне услышала.

– Спасибо!

А если всё-таки не вредный, то хорошо бы потом его спросить, что он знает про изыскания Кэраэнгского училища.

Возвращаюсь.

– Поздоровалась со знакомой. Чтобы ей к нам не подходить. Бонго может... смутить с непривычки.

Смешок, а не улыбка:

– Мне следует привыкать. Чем дальше к западу, тем больше будет женщин в мужской одежде?

И с короткими волосами, и с крепкими иногда выражениями на языке.

– Не до такой степени. Бонго – актриса из женской артели, играет мужские роли. Здесь есть и такие представления. Замысел в том, чтобы зрительницы даже из самых строгих семей туда могли ходить без мужского сопровождения.

По лицу полсотника видно, что он своих родственниц на такое смотреть вряд ли пустил бы.

Говорит:

– Расскажите мне, о чём будет сегодняшнее действие.

– А вы когда-нибудь бывали раньше в Народном театре?

– Боюсь, что нет. Или не понял, что он Народный.

– Он как раз и рассчитан на зрителей, кто не знает содержания пьесы. Это в Восточном театре надо хотя бы знать, какое предание разыгрывают или отрывок из какой повести. В Мардийском желательнее пьесу прочесть заранее, а ещё лучше книжку взять с собой, иначе трудно следить. Если, конечно, хочется понимать, что поют, а не просто голоса слушать и на танец смотреть. В Народном по-другому. Там наперёд почти никогда не известно, чем кончится: всякий раз события поворачивают немного иначе. Из восточного это ближе, наверно, к потешным сказителям, только выворот не обязательно издевательский. Но завязку я расскажу, а вы мне, пожалуйста, ответьте: вам на такое будет тяжело смотреть или нет.

– Хорошо. Хотя на самом деле разницы я не вижу. Если даже представление весёлое...

– Тяжко всё равно может сделаться, да. Ну вот, пьес сегодня две, обе для малого числа лицедеёв. И ни танцев, ни боёв на подмостках, всё очень буднично. Первая – «Письма». Она про Чаморрскую войну. Действие – «в одном мэйанском городе». Бабушка с внучкой разбирают письма из старого ларчика.

– Как в «Повести об овсяных метёлках»?

– Да, только время гораздо более позднее. И так, один флотский забирал себе письма тех сослуживцев, кто погиб, а вещи их остались. Жалел, что пропадут. И однажды этот свой запас переслал домой, и теперь его родне они так же важны, как то, что сам он писал. А хитрость в том, что мы заранее не знаем, как письма будут читаться. Начинают женщины, у стола под лампой, потом позади них в темноте появляется обычно двое мужчин, молодой и постарше. И раскладка может быть разная: или мужчина читает женское письмо, словно бы он его получил из дому, раскрыл и сам себе читает, – или он прочитывает своё, будто его голос для женщин звучит. И наоборот.

– Кажется, понял.

– Кто погиб, а кто вернётся, заранее не ясно. Но кто-то вернётся обязательно.

В народном Старуху играет мастерша Анирайя – оплот наших Увеселителей, дочь того постановщика, кто основал Народный театр в Марбунгу. За внучку бывают разные лицедейки. А Джанга, когда в этом действе выходил за войскового, ухитрился сыграть даже смешно. Читал с немыслимым марбунганским выговором: «Милый Джжяни, помни: ногам нужжно тепло... и я тут слыщяла, грибная водка очень опасна для человеческого жьжелудка...» Качал головой: надо ж, дескать, какие опасения! «Кажьждый день старайся узнать полезное, ведь когда-нибудь весь этот ужжяс закончится, и тебе всё-всё пригодится... и пиши, не забывая бабущку...»

Доктор не понял, при чём тут слёзы.

– Лучше перестать?

Как же! Могла бы я – давно бы перестала.

– Второе действо – через полвека после первого. «Домашний любимец». Его пересказать ещё сложнее. Попробую так: некто видит объявление о продаже невольника. Работорговля уже запрещена, мы не знаем, на что этот некто – парень или девушка, в разных постановках по-разному, – на что он отозвался: на само предложение, или на то, что в Королевстве всё ещё в ходу этот незаконный промысел, или на что. Приходит в указанный дом, там очень пожилая особа. Могла и пропустить новость, что рабства больше нет, но, быть может, ей законы не писаны. Невольник тоже налицо: иноплеменник или слабоумный.

– И он-то оказывается самым разумным из всех троих?

– Иногда. Смотря какая постановка.

Джанга в своей пьесе обычно играет Гостя. Но как-то раз передал роль одной из актрис, а сам вышел за Раба. И играл совсем жалкого уродца, и погиб Раб в итоге по глупости...

– Тут двое из троих выживут.

Полсотник перемигивает за очками, видимо, старается для себя упорядочить то, что понял.

- Очень всё это головоломно?
- Нет, благодарю.

(Отставник)

На редкость противная физиономия в зеркале.

Уборная при кофейне, она же склад ведер, щёток и тряпок. Но хотя бы уборная тут есть, и в умывальнике холодная и не ржавая вода.

Бенг, как кот, заскакивает на край лохани, чтобы отразиться в зеркале рядом с тобою. Ты до сих пор не знаешь, видит ли он себя в зеркалах, но ты-то видишь. Змиям пристало являться в золотом сиянье... Только при самом скудном свете золото бывает такого оттенка: иззелена-серого, как трава, пожухшая от мороза прежде, чем успела пожелтеть.

Но в остальном Змей как Змей: зубастая пасть, рожки, загнутые назад, гибкая шея. Грива короткая, до середины щёк.

И насмешливый взгляд:

- Ну что, Человече?

А ещё жёсткий гребень вдоль хребта, четыре короткие, но сильные конечности, брюшко чуть светлее боков и спины. И длинный хвост. Бывают змеи пернатые, покрытые прочной бронёй или гладкой кожей, а этот в чешуе, прохладной, пока ещё нежной.

- Ты прекрасен, Бенг.
- Ты тоже ничего, когда улыбаешься.

Сомнительное «ничего». Но от проезжего отставника многого и не требуется. Женщина эта, цензурный секретарь, тоже в общем не так нелепа, как тебе показалось поначалу. Во всяком случае, в сравнении со своей стриженной знакомой выигрывает безусловно. Сложена соразмерно для своего роста, ничем не больна. Если вправду живёт одна – можно попытаться.

Около месяца назад, утром жаркого летнего дня, Змей почувал то, чего прежде за тобою не замечал. Половое возбуждение. Лишнее напоминание о прежнем житье, когда у тебя были – семья, долг перед родом, намеренье оставить себя в потомстве? Воистину лишнее: будто ты без того не помнишь, что натворил. Или – в довершение ко всей остальной тоске ещё и тоска по любви, просто по телесной любви? То есть ты ещё жив? Разрушил жизнь свою, чего рушить не хотел, то рухнуло само, а ты всё-таки жив, смерть от горя пока отложена? Говорят, люди запада, если всерьёз решают остаток дней провести в скорбных молитвах, получают от Бога – от Владыки Смерти, как они говорят, – милостивый дар: никогда больше похоти не чувствовать. Тебе не дано. Бенг тогда ответил: значит, зачем-то тебе это желание нужно, всему мирозданию для чего-то нужно. Что будем делать?

Что-нибудь придумаем, сказал ты. А потом получил гильдейское приглашение. Как раз удобный случай сейчас: не на старом месте и не

на новом, а по дороге, в городе, где ты, можно надеяться, нескоро очутишься снова.

Мог бы заплатить портовой девке. Когда ты проходил через гавань, они ещё не все разобрали себе гостей. Но это уж худшая из замен любви, ты не хочешь, чтобы Змей спросил: зачем же ты этого ищешь, если это так унижительно? Мог двинуться в весёлый дом, заведения восточного пошиба в Марбунгу, кажется, есть. Где платишь якобы только за музыку и угощения, а дальнейшее по согласию. И там, чего доброго, встретил бы кого-нибудь из попутчиков или моряков с парохода. Если особенно повезёт – собрата по ремеслу, и лекарь сказал бы: «Последнюю пулю полсотник берёг для себя». Последнюю кишку.

Зачем-то же эта поклонница лицедеев к тебе подошла. Уж точно не затем, чтобы нынче вечером появиться в театре с блестящим кавалером. Зачем-то рассказала о себе: что замужем побывала, что в разводе.

Может быть, и её тоска станет легче. Или сильнее, а потом – легче. Проводить домой после представления, если пригласит зайти – тогда...

– Будешь пробовать?

– Сначала театр, – отвечаешь ты Змею в лад. – А там посмотрим.

Крепостная стена, давно не надобная для обороны, приспособлена под гулянье. Солнечно, но прохладно, наверху ветер крепче, чем на улицах. Отсюда видны и гавань на востоке, и главная из здешних старинных построек, зажатая теперь со всех сторон новыми домами: городские ворота, две острых башни, соединённых перемычкой.

– Это не просто ворота, а ещё и храм. Ветра, Пламени и Смерти.

А храмов Единого ты не видишь.

– Есть один в Арандийском квартале и ещё два или три, все маленькие. А вообще здесь в Марбунгу больше семей таких, как моя: школы Закона и Любви. Кто если ходит молиться, то к местным святыням, то есть к мэйанским.

Не то чтобы ты разбирался в единобожных школах кроме царской.

– Та школа, по чьему учению и Бог, и Царь – всё в собственном сердце человека?

– Да, она самая.

Бог в сердце. Да: качая кровь по сосудам, оно действует вполне согласно Благому Закону. А если считать сердце вместилищем разума и души... Наверное, и вправду проще уверовать, что Бог – в горах и море, в огне и небесах, или вот в камнях, когда-то кем-то уложенных, в деревцах, что корнями цепляются за камни и постепенно разрушают кладку. В черепичных и жестяных крышах по обе стороны стены, в тех, кто под крышами этими ест и пьёт, растёт и болеет, ласкает и терзает друг дружку согласно Господней Любви...

Где угодно. В себе-то ты ни благозакония, ни любви не находишь.

Есть твой Змей. Мало ли твоих мерзостей он прощал до сих пор? И уныния, которое ещё хуже.

Ещё одна могучая мэйанская храмина видна севернее – под разноцветным куполом во славу многообразия мировых начал.

– Это храм всех Семерых. Там играет наша Мардийская артель. Это другой вид театра, чем Народный, гораздо более старый и ближе связан

с обрядом. Играют только мужчины, как у нас, или смешанные составы, как в самом Марди, где эти действия зародились. Вы едете в Камбурран – там такие представления тоже непременно есть. В них как раз очень чётко: всего пять ролей в любом действе, хотя не всегда с самого начала легко понять, кто есть кто. Герой, Сподвижник, Злодей, Безумец и Праведник. И ещё хор. По этим ролям раскладывается любая история. Например, «Погибель земли Онтал», сочинение мастера Джакилли, первого постановщика, кто работал в Марбунгу: он жил пятьсот с лишним лет назад. Безумец – последний боярин Онтал, Злодей – его советник, побудивший его к мятежу, Сподвижница – боярыня, Праведник – жрец, он пытается унять смуту, а Герой – доверенный человек короля, прибывший для переговоров. Хор – жители Онтала. Вначале кажется, будто наоборот, боярыня – злодейка, ведьма, а советник желает добра, но в итоге выясняется правда. Или другое действо: «Свиньи». Там тоже праведный жрец: он убедил горожан Марбунгу дать обет постничества. Свинопас сошёл с ума, раз никому теперь не нужен. С ним два его пса, свирепый и добрый, хор – свиньи. А во главе их Благодарная Свинья: пытается жрецу воздать добром, всеми силами и без удержу... Всё равно получается путанно!

– Нет, эту раскладку я запомню.

Она, кажется, применима к чему угодно. Даже к хирургии. Злодей ты, раз «режешь людей», ассистент так и переводится: «помощник», «сподвижник». Кто проводит наркоз, в каком-то смысле отвечает за беспомысленство, фельдшер – праведник, ибо без праведности трудно терпеть троих обученных врачей. Герой – недужный, ради кого вы все собрались. А в чём никогда недостатка нет, так это в хорах: родня и друзья недужного, начальство, коллеги...

Марбунганка ждёт, что теперь ты что-нибудь расскажешь о себе.

– Вы слышали такое прозвание – Дангенбуанг?

– Врач, который за «Союз семнадцати» вступился в своё время?

Про это тоже сочинили пьесу? Или служащим цензуры положено наизусть помнить список – уже устаревший – всех учёных, замешанных в крамоле?

Сейчас она вообразит, что тебя «за правду» вышибли из войска, или за что обычно ратуют такие союзы.

– Да, – отвечаешь ты. – И это очень печально, если из всего, что сделал доктор Дангенбуанг, людям известно только, что он просил за школяров, когда те провалились со своим заговором. А он был великий врач. И собственно хирург, и наставник, и исследователь. Нынешним летом он умер. Я служил под его началом, в Валла-Маррангском училище врачевания, оно общее для войска и флота. Без мастера я там оставаться не захотел.

Достаточное объяснение и отставке, и мрачности твоей.

– И вы были рядом, и теперь всё высчитываете, чего не успели?

– Много чего не успели и я, и вся наша Валла-Маррангская школа, и что гораздо горше, сам наставник. На середине или в самом начале оборвались разработки нескольких методик. Их продолжают – но другие люди и по-другому. И ни у кого нет и уже не будет той веры в успех, как

у мастера. Товарищи его и ближние ученики либо спешат – отчитаться, оправдать затраты денег, времени и сил, – либо осторожничают свыше меры. А он верил в то, что делает, в лекарское искусство – крепче, чем в Бога. Оттого и точен был в выборе, когда пора действовать.

– И вот, вы...

– Преподаватель или учёный из меня и не вышел бы. А на хирурга мастер меня выучил.

– И вы едете туда, где хирургов не хватает?

– Да. Врачей с опытом таких, новых операций в Мардийском краю пока нет.

– Так хорошо же, если есть к чему применить именно свой опыт?

– Да, надеюсь.

Тоже вполне пристойно звучит. Хотя, возможно, вопрос был про другое: вычисляешь, чего ты не успел со своим знаменитым даром. Вовремя не увидел, что учитель твой болен, или не решился сказать ему, или не сумел убедить...

Доктор Дангенбуанг, защитник неблагонадёжной молодёжи. Это ты считал себя превосходным школяром, потому и подал грамоты в Валла-Марранг, гордился, что зачислен. А ведь могло быть так: «К нам просится один... одарённый, из царских потомков, запишем его за вами», раз уж вы берётесь учить Бог знает кого: крамольников, ясновидцев...

Мастер умер скоропостижно, утром на прогулке. Ты не успел бы ничего сделать, даже будь ты рядом. И это оправдание тебе в том, что – сам знаешь! – твои мысли в ту пору заняты были совсем другим?

Большой сад, извилистая дорожка между деревьев. Ближе ко входу народа было много, но здесь – никого.

Конечно, спутница спросила и про семью. Ты переспрашиваешь:

– Вы представляете себе, что называют «гнездовым житьём»?

– Большие старинные семейства в Кэраэнге и вообще на востоке?

Хотела добавить что-то, но осеклась.

– Да. Когда семьи ещё и знатные, проросшие сами внутрь себя множеством связей – брачных, внебрачных, должностных, денежных, – это ещё хуже. Потому что меньше времени уходит на жизнеобеспечение и больше остаётся на... Семейные добродетели.

– Когда младшие в полной зависимости от старших, женщины от мужчин, боковые ветви рода – от главной?

Если бы только это.

Внешне всё выглядит почти величаво: люди, безупречно держа лицо, медленно ходят по закоулкам старых домов, по золотым молельням и ивовым дворикам, или чинно сидят, разговаривают тихими голосами. А на самом деле сии потомки Змиева рода рвут в это время друг друга когтями и зубами, жгут огнём из глоток и ядовитым дыханьем, каждый чем-то да одарён, каждый так или иначе мнит себя богом... Оттого зрелищные искусства там и в застое: этой вечной схватки царёвым родичам хватает с лихвой. И что царь триста лет как низложен, никому не мешает.

– Я служил и учился, в свою семейную распря вмешался, когда она уже слишком далеко зашла. С чего началась? С сотворения Столпа. Или

с воцарения Великого Бенга в Золотой столице. В итоге самый младший из нас погиб, ещё одной, пострадавшей больше прочих, предстоит теперь в горном Дугубере отучаться от одержимости. И ещё несколько родичей под судом. Мне бы позаботиться о наставнике, а я месяц за месяцем крутил в голове эти свои злосчастия. И если снова попал бы в родовое гнездо... Мне очень жаль сына, он тоже ещё мал и ни в чём не виноват, я бы хотел его увидеть – мой отец не позволяет и правильно делает. Зная, что окажись я там, я сначала пойду искать одного из своих братьев и ещё одного из дядьёв, чтобы придушить.

Хватит. Не станешь же ты говорить дорожной первой встречной, что в Дугубер услали твою сестру-супругу, а похоронили – вашего второго ребёнка...

Ты, получается, перед Божьим Законом виноват меньше всех: только в недосмотре и промедлении. Так получается – ибо тебе дарована милость: чётко знать отныне, что ты не бог, видеть это своими глазами каждый день. Бог – вот он, твой Бенг. Сидит чуть впереди, на дереве.

Женщины любопытны. Если просто так марбунганка и отказала бы тебе – теперь уж точно не откажет, после такой-то увлекательной твоей повести?

Через несколько десятков шагов она говорит:

– То есть вы тоску изначально сами себе вырастили. На замену чему-то гораздо более страшному.

Видимо, да.

– И дар свой применяете, где только можете, чтобы уж точно не промешкать. Простите, что я на вас огрызнулась тогда за наставления.

Сие, кажется, первый случай, когда перед тобой кто-то извинился после твоих чудес. Обычно просить прощения приходилось тебе.

Достойно поцелуй, пожалуй.

Ещё несколько шагов, и ты резко кладёшь ей руку на плечо. Не дальше от тебя, как обнимаются матросы со своими подружками, гуляя по городу, а на то, что ближе. Она споткнулась, нечаянно уцепилась за тебя, ты подхватил – и теперь держишь её крепко.

– Я не смогу, – говорит она.

Да и не надо ничего делать, я сам.

– Не смогу, – повторяет. – Есть другой человек.

Заплакала бы, но слёзы не катятся, так и стоят в глазах.

– Вот вам, доктор, и ответ, откуда тоска. От любви. Безнадёжной, несчастной, а всё равно.

Не размыкая рук, но чуть отодвинувшись, ты спрашиваешь:

– А в чём несчастье: умер, уехал? Вообще не существует нигде вне действия какого-нибудь?

– Слава Богу, нет. Просто люблю я, а не он.

Отпусти её.

– Понятно. А другие вам не нужны.

Не сходя с места, упрямо:

– Мне не вы не нужны! Мне ничего... ни Божий свет, ни Марбунгу, ни я сама не нужна, если... В общем, всё это нужно только потому, что есть тот человек. А ведь вам надо, чтобы было – потому что есть вы.

Не решала бы она, чего тебе надо, не напрашивалась на грубости.

– Мне нужно было вспомнить... Вспомнить женскую любовь. Напомнили, спасибо.

(Секретарь)

Вообще-то для этого есть театр. Чтобы вспомнить любовь – давнюю, прошлую. Или придуманную, чем она хуже.

Будет полный зал. По-настоящему: когда пришли те, кому правда нравятся здешние действия. Бывает ведь, места выкупит ведомство, гильдия, школа, наградит сотрудников или учеников, и чуется: многие из них лучше бы выпивать пошли или мяч гонять. Или в городе съезд какой-нибудь, в Народный сходятся приозёрные дворяне, храмовники, смотрят, а потом ворчат, что старинные действия лучше. Нет: сегодня зрители именно сюда собрались.

И всё равно – весь Марбунгу как он есть. Чиновники, флотские из береговой обороны, несколько войсковых. Судостроители, печатники, политехники-горняки, путейцы. С жёнами, многие с детьми-подростками. Ватага девчонок старше-школьного вида без взрослых – а, нет, похоже, с надзирательницей, она ненамного их старше, но смотрит строго. Несколько мужчин в восточной одежде, с ними женщины в платках, повязанных под самый нос. И свои, увеселители, конечно, тоже тут. Бонго в сюртуке с сабельником в петлице, с нею её товарка по артели – в женском наряде и с таким же цветком в кудрях.

Господин и госпожа Гундинги сегодня не скрываются: давно не видели сына, и раз он вечером решил играть, оба, конечно, здесь. Он – коронный советник в своём должностном, полуседой, невысокий, плотный. Она в тёмном платье, с нитью жемчуга, с непокрытой головой: видно, какие у госпожи красивые волосы, чёрные ещё, тяжёлые, собраны в нетугой узел. Из охраны с ними те молодцы, кто больше всех любит действия именно в Народном.

А бывало, родители не хотели Райджангу смущать и приходили в театр переодетыми: отец в куртке старосты Городского хозяйства, супруга его в аинге и в платочке, охранники тоже по-простому, вроде сыновей этой пары. Сидели на дальних местах, матушка плакала чуть ли не с самого начала, как только актёры вышли на подмостки, глава семейства её толкал локтем: «Тише, мать, люди кругом». Эту картину Джанга потом показывал в лицах, и по-моему, не сочинил её, а так всё и было. Если верно, что дар наследуется, то у Джанги как раз такой случай: господин и госпожа сами хороши в лицедействе, только никогда не занимались им как главным делом жизни.

Зал в Народном не такой, как в старых театрах. Нет ни зрительских помостов, как в Мардийском, ни ярусов с разгороженными отсеками, как в восточном. Больше похоже на зал заседаний в суде или в гильдейской конторе: просто ступеньками ряды кресел и скамей. Внизу у подмостков уже сидят мастер Намай и с ним тот высокий старик, кто приехал вместе с Райджангой. Видимо, пользуясь орочьим своим зрением, Намай будет в темноте следить за лицом гостя – и потом расскажет, как тот на самом деле смотрел. А Джанга сравнит это с тем, что гость ему скажет.

Играть Раба, стало быть, будет не Намай.

Кто за места не платит, а входит по пропускам, для тех есть особые скамьи на самом верху. Если очень захочется поближе, можно потом, когда все рассядутся, спуститься в зал в проход.

Ох. Сейчас как раз там, в проходе, стоит досточтимый Гадарру. В мирской одежде он не сильно выделялся бы среди коронных служащих, если бы не шапочка на бритой голове. Несколько мгновений стоит, прикрыв глаза, – и потом направляется наверх, прямо к нам.

Артель Гадарру сегодня играла у себя в храме Семерых – днём, при солнечном свете, среди телег с тыквами, во славу Старца Кормильца. С вечернего пира досточтимый отлучился сюда. Значит, Бонгины слова до Гундингов дошли и приняты всерьёз? Или Джанга сам что-то рассказал дома?

Или всё проще. В гавани доктора проверяли, видели его чудеса или след от чудес, доложили в Охранное отделение, и теперь один из высших чинов Приозёрного Охранного явился лично взглянуть.

Досточтимый кивает доктору, молвит по-мэйански:

– Почтение высокоучёному врачевателю. Я дядя вашего попутчика Гундинга. Имею случай поблагодарить за внимание ко племяннику моему в морском путешествии.

Непросто найтись с ответом, когда голос собеседника – чёткий, сухой – отдаётся от всего вашего тела и одежды, от часов на запястье и очков на носу. Было бы при вас скрытое оружие – и оно бы отзвук дало.

Доктор кланяется, говорит:

– Не по заслугам.

Гадарру медлит, глядит внимательно, доктор не поднимает головы. И вдруг улыбнулся непонятно чему. Жрец направился к родичам.

– Досточтимый вас отсюда не выгнал бы. Он сам лицедей, глава здешней Мардийской артели.

Не отвечает. Настроился уже на действие? Тогда не буду сбивать.

Очень хорошо, что доктор не ушёл тогда из сада.

Гаснет свет, музыканты начинают. И когда на подмостках зажигается лампа, а осветитель вторит ей, у стола уже сидит старуха, рядом стоит девушка. Мастерша Анирайя – и совсем молодая лицедейка, не помню её. Первый выход? «Сегодня самое время: все пришли на Райджангу, тебя никто не заметит, так что дерзай...»

Похоже, да, первый опыт. Старуха произносит свои вводные слова, «будем разбирать письма», девушка берёт первый листок, начинает – перенапрягая голос, почти по слогам читает... А нет! Хорошо! Это для бабушки, глуховатой, и даже не на ухо тугой, а просто невосприимчивой ни к чему сегодняшнему. Не с первого письма, но скоро внучка поймёт: старуха тут каждое слово знает наизусть. Оттого и покачивается в лад строкам, и ладони держит на ворохе бумаг, как жрица на своей святыне, для неё это чтение – словно бы обряд.

«Здесь уже холодно, но какая здесь огромная луна! Вдвое больше, чем у тебя в окошке. И киты играют.»

«Чтобы никто не смел указывать, какую пряжу тебе вязать и чьи газеты читать мастеру Айганде» – из той поры, когда прорывали морскую осаду, ею всё бывшее Царство от Чегура было отрезано.

«Нас бьют за то, что мы мэйане, а мы их – за то, что людоеды. Есть разница: драться за себя, кем родился, или за привычку. Жрать человечину бросить можно, проверено. Так что либо бросят, либо не будет их.»

Девчонка всё поняла. Вытащила следующее письмо у старухи из-под руки, пробежала глазами, отложила. Взяла следующее, оно – про ноги в тепле и водку в желудке, не дочитала, бросила почти со злостью. Раскрыла третье, стала читать уже для себя.

«И когда при...» – а дальше невозможно, руку ко рту, зубами в ладонь. Кто-то в зале ахнул, кто-то коротко матернулся: не помнили, но догадались, что дальше. Старуха, не открывая глаз, продолжает:

«Когда принято было решение оставить “Дозорный”...»

«Ваш сын и муж, наш товарищ, спасал товарищей, дюжину человек, и ни один из них, из нас, никогда не забудет...»

И тут перебивает голос из темноты. Только не мужской, а женский. Письмо насчет имени, в этот раз пишет дворянка, служащая в каком-то флотском подразделении. За неё мастерша Тамадри.

«За Мингой записаны три тысячи двести в год, это давно не деньги, исправь: пять сотых дохода. Храмовую долю рассчитай, как знаешь...»

Второй голос в темноте – Райджанга. Сначала даже непонятно, что это он:

«Я забыл, как звали соседей, напиши мне, хотя зачем... и ребят из Мореходного половину не помню либо имен, либо даже лиц, увижу... узнаю, наверно...»

Читает, словно на чужом языке, не пытаюсь донести зрителям, какая тут связь между словами. Её, может, вовсе нет, как не бывает в речах, которые слышишь во сне, хотя пока спишь, всё кажется складным.

Добились бабка с внучкой своего: вызвали духов. В этот раз не в образном смысле «тени прошлого», а почти что в прямом.

«Не пополнение – слёзы. Какой дурак учил их химии? Даже если и дура... Вы бы хоть калеку какого толкового нашли в школу...»

«Девушка, её зовут Мирра, я напишу ей, а тебя прошу: присмотри за ней и разреши ей помогать тебе, она честная, добрая...»

Переговариваются, не слыша друг друга. Не сыгрывались, времени не было, но Тамадри эхом отвечает Джанге, а он ей.

«Ужасно глупо погибнуть не от огня, не от ран, а от ерунды...»

«Здесь пока поветрия нет, но я ни к кому из приезжих близко и не подхожу, только за письмами...»

Девушка медленно, по шажочку, движется туда, в темноту.

Стой же ты! Утащат к себе!

Старуха, не глядя, находит в куче письмо. Читает: «Когда-нибудь весь этот ужас закончится...» – оклик твёрдый, хотя и полный страха. И внучка возвращается к столу. «И тебе всё-всё пригодится...»

Бывало, в самом конце вояки выходили к свету, молодой – Джанга – вставал за креслом старухи, как на картинах послевоенных лет. Старший подходил к девушке, она прятала лицо у него на груди.

Сегодня так не будет, конечно. Тишина. И сначала вздох всего зала – а потом волной рукоплескания. Поняли, приняли! А уж потом зажигается свет в зале.

Хорошо, что у меня с собою цветы. Иду в проход, к служителю. К нему кинулись многие, и все: «Внучке, внучке!» – имени-то не знают... Новенькой отдают цветы, огромный ворох. Она передала было наставнице, Анирайя с едкой усмешкой качает головой: не-ет! Нынче, дескать, все твои. А Тамадри и Джанга на поклон не выходят.

Возвращаюсь, смотрю на доктора. По лицу ничего не прочтёшь, но он в ответ спрашивает:

– И сие считается мирским действием?

То есть тоже всё понял.

Но ведь похоже, Анирайя это прочтение «Писем» готовила как раз на случай, когда в зале будет Гадарру. Вот видите, досточтимый, в Народном театре по смерти, посмертие, про границу ужаса и не-ужаса играть тоже умеют.

А он, я думаю, ещё не решил, нравится ему или нет. Ему надо видеть целое, то есть оба действия.

Передохнуть почти никто из зала не выходит, и мы не пойдём.

В саду днём полсотник подождал на всякий случай, может, я убегу. Потом попросил: вернёмся в кофейню. И пока я оттуда выходила к цветочнику, побрился. В театр, значит, с отросшей на щеках щетиной нельзя.

У вас, доктор, тоже всё когда-нибудь будет хорошо. По-настоящему хорошо, даже если сейчас всё горько и безнадежно. Я этого сказать не умею, но вот же – актёры есть. Так что вы правильно сюда пошли.

Бонго подходит, садится рядом с нами:

– Старая сука.

Понятно про кого, только чего тут больше: восхищения или злости?

– Как девочку зовут? – спрашиваю.

– Дингаунг Арчари.

И слышно: Бонго будет пробовать эту лицедейку перетащить к себе в артель. Хотя и понимает, что затея, скорее всего, гиблая.

– Хороша начальница! – продолжает она. – Подарочек заготовила. Райджанга теперь как хочет, так пусть «Любимца» и вытягивает. А чтоб по гостям не ездил посреди лета!

Она боится за второе действие.

Большой успех в первом, сложно будет перебить. Но вряд ли Джанга убоится. Или Бонго опасается совсем плохого? Что Джанга начнёт играть не в «полную силу», а в две и в три своих силы, и сорвётся, как уже бывало, и непонятно как потом будет возвращаться в здравый ум?

Когда Бонго отходит, спрашиваю у доктора:

– А у вас бывает так? Кто-то сделал сложную операцию, и хорошо, прекрасно сделал, а потом получается – не ради недужного, не ради искусства или там науки, а чтобы наказать другого врача? Заставить его, чтоб старался ради ещё большего успеха...

– Глядишь, перестарается? Да, бывает, конечно.

И добавил:

– Но вообще лучше не сравнивать. Слишком разные искусства.

Снова гаснет свет, музыка для «Любимца».

На сей раз на подмостках намного светлее, видна комната, полная книг и старых памятных вещей: писчий прибор, кукла в узорном балахоне, кофейная мельничка. И ракушка из дальних морей. Привет преданным зрителям Марбунганского Народного: эта ракушка появлялась в «Старом капитане», самой знаменитой его постановке.

Отсюда не видно, но книжное собрание в этом доме составлено по перечням середины прошлого столетия (подбирала названия весною я, мой мельчайший, но вклад в постановку). Стол сдвинут в сторону, лампа не горит, возле неё тесно стоят склянки с лекарствами. В кресле старик – мастер Нуралли. Сегодня Хозяин он – очень старый и усталый, в тёплой домашней одежде и сверху ещё прикрыт одеялом.

По лицедейскому проходу идёт – кто? Тамадри! Ничего себе Гостья. Далеко не юная уже, одежда видала виды, башмаки стоптанные вкривь и вкось. Не похоже, чтобы она хотя бы прокормить питомца могла, не говоря уже про то, где она возьмёт деньги на его выкуп. С мешком вместо сумки, копается на ходу, достаёт объявление, выдранное из газеты. Читает: «...разделит с вами радость...» Ох. Гостья в похмелье, а если и нет, то крепко пьющая тётка.

Звонит, старик приказывает: отвори.

Выходит Раб – Райджанга. Одет не в домашнее, как когда был слабоумным, а судя по всему, в старую одежду Хозяина. Из тех времён, когда Хозяин был ещё молодой и бравый. Невольнику не до бравости, конечно, но взгляд...

Ну, и кто из двоих воришка? На корабле Джанга присмотрелся, как держится отставной полсотник, и позаимствовал повадку – не поднимая головы, глядеть смиренно, но непримиримо? Или наоборот, Райджанга по дороге вживался в нового своего Раба, а вы, доктор, для себя переняли? Потому что под ваше настроение подошло?

На то театр и Народный. Вовлекайся кто хочешь. Главное – не вздумать, будто мы теперь навсегда тут свои, но никто же и не вздумывает.

Случай тяжёлый. Раб – явно не из наследственных невольников. Значит, либо из каторжан, незаконно выведен в личное имущество, хотя и должен был отбывать на казённом руднике или на заводе, либо даже под судом не был, а скрывался под видом раба. И тут неволю отменили, или пожалуй в каторгу – или...

«Вы уж решайте, голубушка, покупаете или нет...»

Гостья допрашивает Хозяина, он виляет, как и положено, отвечает мимо вопросов. Бывало, играли этот разговор так, чтобы казалось: под видом покупателя явился сыщик, пытается изобличить незаконного торговца. Сегодня Тамадри, скорее, сама боится, не повелась ли на подначку. Не нарвалась ли на какого-нибудь тысячника Охранного отделения, который, сидя под одеяльцем, все её тайны сейчас вытрясет,

да ещё от себя добавит, а она и не заметит, как сознается... Оттого играет на коротком дыхании, и злится больше, чем другие Гости.

А когда Хозяин попросил передохнуть и прикрыл глаза, тотчас полезла в сумку за фляжкой. Хлебнула, молча протянула Рабу: будешь? Раб принимает учтиво – почти выдав своё благородное воспитание – и с усмешкой.

Когда Джанга играл Гостя, он на этом месте брал книгу у Хозяйки со стола. А Раб-Намай следил с видом: смотри не замотай! Из книги Гость пытался понять, с кем всё-таки имеет дело, ибо старуха его запутала. А ещё бывало, подходил к кукле, глядел: может, хоть ты мне объяснишь, что у вас тут за дом безумных? И приглаживал ей длинные волосы, потом принимался заплетать косичку.

«Такие люди – что, правда считают, что за деньги можно купить сочувствие в горе и в радости? Да хоть за что. За заботы, заслуги, за собственное участие...

– Купить нельзя, а продать можно.

– Как это?

– Если перестало быть нужным. Если печали и радости все позади.

– Так не бывает. Даже у великих мудрецов. И у самых... истраченных.

– Вот и скажите ему, что не бывает!»

Гостя спросила, кивая даже не на Хозяина – на всю обстановку в его жилище, включая и книги, и ракушку. Раб начинает отвечать не свысока, конечно, но с видом: «Подумай, может, сама поймёшь». А продолжает всё горше и горше.

Нуралли открывает глаза. Будет рассказывать о себе, по-прежнему не раскрываясь: «Такое было время... Никто не боялся...»

Однажды мастершу Анирайю газетчик спросил, что она вложила в роль Хозяйки, кого она играет. Она отвечала: «Девочку из "Писем", конечно. Постаревшую на пятьдесят лет». А у Нуралли сегодня – кто? Может, и верный слуга Короны, только на самом деле далеко не в больших чинах. И беззаконник тоже неудачливый. Свои слова про послевоенный подъём произносит не с насмешкой, как иногда, и не в оправдание себе, а будто байку, в которую сам не верит. Всяко ведь то прошлое не вернётся. «Времена великих трудов... Воткни в землю шестерню – завод вырастет...» Гостя продолжает: «...посади человека – вырастет гильдия?» И старик не с обидой, а со страхом в ответ: «А вы, молодые, вы-то что сделали со своею свободой да законностью?..»

«И семейная жизнь оказалась не по мне. Дети... Возможно, где-то ещё и живы, не слежу.» Сегодня сказано не с вызовом и не с отчаянием, равнодушно. За его дочь Гостью точно не примешь, хотя в другие разы казалось: ну, точно, к Хозяину или Хозяйке судьба привела потерянное дитя... Но и Раб, при всём сходстве, на сына хозяйского не похож. Ученик – может быть. Или единомышленник, или в своё время старик парня просто пожалел.

А вдруг сейчас пожалеет и эту непутёвую женщину? Раб около Хозяина не особенно хлопочет, но всё равно видно: всеми мыслями с ним. И ждёт, что будет. Тамадри начинает свой рассказ, старик слушает, временами переглядывается с парнем... А у Джанги в глазах детский,

собачий вопрос: ты же меня ей не отдашь? Не отдашь? Ты ей всю свою жизнь рассказал, но меня – не отдашь?

Взрослый и умный, но вот настолько беззащитный. Не могу!

Гостья – про свою юность: сходки, воззвания, помощь беглым. Она в движение за отмену рабства попала уже не девчонкой, как другие, а взрослой девушкой. «Была вера в то, что делаешь, дури хватало, были... друзья.» А на самом деле друг, любимый, и он – был, больше нет. И она не может бросить их с ним общее дело, хоть бороться уже и не за что, вот только по объявлениям ходить.

Не отдам, не отдам, – кивает старик невольнику. Сам вижу, ей тебя некуда взять. И не потому, что дома надёжного она себе не обустроила. Просто её сердце и так полно, куда уж тут любимца...

Многие в зале плачут, не только я. Сейчас – последний разговор, старик попросил уже воды, и сегодня пить будет он. В другие разы он всыпает в воду яд, а выпивает или сам, или Гость, совсем изверившийся, или Раб, когда он – как Джангин прежний слабоумный, или когда понимает, что его жизнь отменилась вместе с неволей, Намай однажды так сыграл. Но сегодня умирать старику. «Недуг, надежды никакой...» Джанга пересел подальше от кресла, к краю подмостков – чтобы старик не видел – и плачет. Плачет до самого конца.

Зал будто ждёт: а вдруг? Может, не яд то был, а лекарство просто?

А потом – рукоплескания! Такие, будто каждый сейчас тут верит: если хлопнуть, мёртвые вправду встанут, скорбящие утешатся, и все, кто любил, будут снова вместе.

Кричат:

– Нуралли!

– Тамадри!

– Райджанга!

И ещё:

– Свобода! – как в тот самый год.

Лицедеи выходят втроем, потом Джанга убегает, за руку вытаскивает на помост девочку Дингаунг, за нею и Анирайя появляется. Крик, цветы, поздравлений сегодня будет много. А мы пойдём.

(Отставник)

– Как ты, Змей?

Пока шло представление, Бенг тихонько сидел у тебя на коленях, молчал, опасаясь семибожного жреца. И заплакал вместе с невольником, и теперь ещё не успокоился.

Или не его, а тебя нужно утешать? Бенг едет у тебя на плече. Небольшой, но увесистый Змей, и эта ноша от тяжести в сердце помогает лучше всего.

Бенг это знает. Спрашивает:

– А почему старик умер? Зачем?

«Потому что так сказано в этой истории» – не ответ.

– Наверное, решил не дожидаться болей, потери рассудка или чем ещё, как он думал, грозит его недуг. Принял яд.

– А как же Джанга?

– Раба старик предоставил его собственной судьбе. По-моему, тоже: напрасно он так сделал.

– А почему рабство запретили?

Вопрос к знатоку законов. У дома Чангаданг собственных рабов никогда не было, даже когда Царство распадалось.

– Если верить этой пьесе, вокруг невольников разрослось слишком много беззаконий. По обе стороны: и у тех, кто имел доходы с рабского труда, и у тех, кто против этого ратовал. Власти решили, видимо, всё сие прекратить одним ударом.

Тёмная улица, недавних слёз не видно. Твоя спутница не спешит заговорить.

Ты ей сказал: вспомнить женскую любовь. Что она услышала? «Вспомнить, как лживы женщины»? Сначала посочувствуют, а потом... Или вообразят, будто за твоею телесной тягой скрывается что-то ещё, убедят себя в этом, откликнутся – всем сердцем – а ты потом будешь отвечать? Сам не знаешь за что. Или: «Было в жизни моей что-то хорошее, что я сам считал любовью; ошибся, только всё время забываю, что ошибся»?

– А почему им можно, а нам нельзя?

– Кому «им», Змей?

– Знаменщику и всем, кто с ним.

Почему Гундинг играет в театре – занятие, редкое для мужчины его рода и положения, – а родители и дядя-наставник это принимают и даже приходят смотреть, и смотрят с увлечением? Почему лицедеи, хотя и грызутся меж собой, но работу товарищей ценят, радуются ей вполне искренне, даже ревнуя, а врачи так не могут? Почему Райджангу Гундинга любят, а вас – нет?

Потому что Знаменный дом бежал из Царства давным-давно, ещё когда и речи не было о воссоединении с Коронными землями. Принял иную веру и обычай. Теперь Гундинги живут и служат и в Кэраэнге, и здесь. А как умудряются жить в любви? Их родовое слово – «Любовь крепче золота», такое же, как ваше – «Божьей мерой».

Спутница, наверное, ждёт твоих впечатлений. Но ты – воистину неискушённый зритель, о том, хороша ли пьеса и удачно ли сыграна, не тебе судить.

– Я бы действовал иначе. Прикидывал, как убедить эту женщину у нас остаться.

– На чьём месте: хозяина или раба?

– Господина этого, как я понял, зрители должны жалеть. А по-моему, довольно жуткая особа.

– Чем жуткая?

Уверенностью, что затеи его хитроумны и выгодны, хотя они давно проиграны, и ему это известно. Отчасти похоже на старших в доме Чангаданг. «Очень хорошо: парень подружился с троюродной сестрицей. Вот на ней пусть и женится.» Была бы девушка со стороны – слишком

хлопотно было бы объяснять её родне, как делаются дела в доме так называемой Господней Меры, почему именно за такую цену и именно таким верным людям добываются должности, льготы и права...

Сладость неволи. Не только той, когда по закону или обычаю ты почти ни за что не отвечаешь. Ещё и той неволи, когда по склонности сердечной зависишь от людей, а они от тебя, и ты знаешь: не корысть и не жажда власти, но именно желание эту зависимость укрепить и продлить толкает старших на беззакония. Всё ради тебя, ради вас всех, молодых, ради ваших детей...

И чем тебе плоха теперь твоя свобода? Кроме горечи – ничем.

Ты отвечаешь:

– Как он в итоге собой и парнем своим распорядился. Не жутко?

– Хм. Занятно: тут вы с Бонго-лицедейкой в один голос. Она, когда в первый раз действие посмотрела, сказала: лучше б он яд свой продал!

Смотря какой яд, конечно, но если ещё и перстень, где яд хранился, приложить на придачу, – цена была бы сопоставима с ценой раба.

– И лучше бы пригласил женщину к себе. Он сам или раб его. И за недужным вдвоём ухаживать было бы проще. Тем более – если раб скрывается, а она на воле. Да и ей, может быть, стало бы не так одиноко.

– На какое-то время.

– Это верно.

Но ты сегодня уже начал поучать, так что продолжай:

– Пусть человеку остаётся недолго, и улучшений ждать не приходится, всё равно травиться – не выход.

– Почему?

– Во-первых, как сказано у древних: всякий яд – одновременно и лекарство, как и наоборот.

– Зряшная трата полезного вещества?

– Да. Полезного и, возможно, необходимого кому-то прямо сейчас. Во-вторых, здесь те же доводы, что и против казней. Могут открыться обстоятельства, пока неизвестные. И приговор придётся пересмотреть.

– Вдруг завтра наука найдёт способ победить именно этот недуг?

– Или, если угодно, кто-то из божьих служителей достигнет тех высот святости, чтобы вымолить исцеление. Или кто-то из чародеев так углубится в свои чудеса... Но дело даже не в этом.

– А в чём?

– Мне доводилось видеть многих недужных, кого зовут безнадежными. И видеть, как они даже в последние свои дни успевали что-то важное сделать для ближних. Даже если телесных сил совсем мало, даже без сознания – самим тем, что жив, человек многое решает.

Случай из времён, когда ты ещё мальчишкой учился в лекарской школе.

– В лечебнице была недужная: старшая в своей семье, давно уже не вставала и не говорила, почти ни на что не отзывалась. У родни её вышел спор, принимать ли в семью незаконнорожденного, прижитого на стороне одним из сыновей старухи, на ту пору уже умершим. Спорного родича вводят в палату – и у недужной начинает расти уровень чар. Никакого другого отклика – но сочтено было, что она признала внука.

– Что свой? А посторонний остался бы безразличен?

– Да, решили так.
– А «важное» – не обязательно хорошее?
– Не обязательно. Так ведь и расчёт на то, что скорейшей смертью принесёшь близким людям облегчение, столь же сомнителен.

Помолчав, марбунганка говорит:

– Это как в первом действе? Люди за тысячу вёрст от дома и в любой час могут погибнуть, потому что война. А всё равно пишут, всё пытаются что-то решать...

– Пока живы.

– А я не знаю: смогла бы я дать кому-то отраву, если бы меня просили, не приведи Господь. И не знаю, смогла бы отказать – или нет...

Тут тебе проще, ты врач.

Она спрашивает:

– А если бы не как сегодня, а наоборот: Хозяйка, Рабыня и Гость?

– Считал бы я, что лучше бы они гостя залучили к себе? Конечно.

– Даже если он был бы не работник, не добытчик?

– Да не заработка его ради, а из тех же самых соображений. Что из мужчин получают худшие сиделки для больных, чем из женщин, – это предрассудок, ни на чём не основанный.

– Угу. Вот здесь я живу. Зайдёте поужинать?

Дом такой же странный, как сама она. Как если бы внешнюю часть восточного здания возвели наполовину – дальнюю сторону и левую, а без правой и ближней обошлись. В итоге двор не замкнут, открыт на улицу. И вместо внутреннего дома во дворе стоит постройка западного образца, сейчас совсем тёмная: видимо, не жилая, а служебная. Но по бокам от неё – подобие сада, в окнах внешнего дома кое-где свет.

Самое время распрощаться. Ты зачем-то поднимаешься. Лестница тут не внешняя, а под крышей, дальше длинный проход и в конце его – дверь в жилище, совсем небольшое. Марбунганка зажигает масляный свет, потом – огонёк в спиртовой горелке.

– Снова кофея? Или солёного чего-нибудь согрею?

Книги на полках, восточных и западных примерно поровну. Постель под пёстрым покрывалом, вместо стульев два сундучка-бочонка. Кроме кухонного стола ещё и рабочий, на нём бумаги, карандаши, писчая машина в кожаном чехле.

Ты бы ждал светописного снимка где-нибудь на видном месте. Или рисунка, или листа с росчерком – собственной рукой знаменитости. Но нет. Значит, ты догадался?

– А могу я спросить?

– Да, конечно, – отвечает она.

– Вы на что надеетесь?

Взгляд с вопросом, без испуга. «Надеюсь, что больше не станете распускать руки, раз уж пытаетесь сойти за разумного человека?»

– Верно я понимаю, что вы не просто поклонница благородного Гундинга? Что он и есть – человек, о ком вы говорили?

Отложила миски и ложки. Села.

– Так. Вы, доктор, у него что-то видели... по вашей части? В дороге или сегодня?

– Нет, не бойтесь. Здоров и крепок. Хмельным, дурманом – не злоупотребляет.

Выдохнула.

– Это да, он не пьёт, совсем. Спасибо.

– Не за что.

– А по мне – настолько заметно?

– Что любите его? Тут не надобно ясновидения. Заметно.

– Это плохо.

Продолжила собирать на стол. Хлеб, сыр, сушёная морская трава.

– Ни на что не надеюсь. Но это ведь и незачем.

– Что однажды он обратит на вас внимание? Ненадолго, как это в обычае у знатных особ и у деятелей искусства, приласкает и забудет, но вам до конца жизни хватит воспоминаний?

Какое твоё дело. За своим обычаем лучше бы следил. Завидуешь, вот и лезешь в чужую любовь со своей мерзостью.

– *«Ваших советов – да чуть бы пораньше», молвил пожарным подвижник Огня...*

– То есть всё это уже пройдено?

Кивает. Её что, совсем невозможно разозлить?

Сейчас тебе нужно, чтобы тебя выгнали. Как сказано в «Повести о Лимбаури»: чудовища не являются, пока их не позовёшь, но и не исчезают, пока не скажешь «изыди».

– И что же теперь?

– Послужу ещё какое-то время. Дай-то Бог, чтобы подольше. Когда родителям станет нужна помощь, попрошусь в отставку и перееду к ним. Потом, может быть, племянникам пригожусь уже с их детьми... Или буду доброй тётушкой, но на расстоянии, а сама – жить в городе и ходить в театр. Сами же говорите: пока человек жив, на что-то годен.

Улыбается невесело. Передумала?

– А вы, доктор, знаете тех изыскателей в Кэраэнге, кто занимается новыми прививками?

– И кто-то из них – знакомец благородного Гундинга?

– Да. Вы не могли бы рассказать... что можете – про них?

– Я сам с заразниками не работал. А что вам хотелось бы знать?

– Это правда, что они кровь царских потомков как-то пытаются... задействовать? Тех, кто способен самоисцеляться.

– А, вот вы о чём.

«Наконец-то найдена польза от Бенговой родни. Будут они, как довоенная людоедская знать в Чаморре, сидеть в особом питомнике. И как те улучшали породу своим подданным, сходясь с их сыновьями и дочерьми, так эти будут вырабатывать вакцины для народа...»

«Царских потомков уже не раз пытались собрать всех вместе, запереть и приспособить к делу. Дом Гундинг, как известно, до сих пор от семейного долга уклонялся гораздо успешнее, чем, допустим, дом Чангаданг. Так что за милого своего можете особенно не бояться.»

А вот ему, похоже, есть за кого тревожиться.

Спроси:

– Вы знаете, в чём разница между вакциной и сывороткой?

Мотает головой.

– Вакцину вводят здоровому, чтобы не заболел, а сыворотку – уже заболевшему, чтобы победил недуг. В вакцине содержатся ослабленные и мёртвые возбудители болезни, тело недужного получает их и само вырабатывает вещества для борьбы с ними. В сыворотке – готовые такие вещества, выработанные кем-то другим.

– То есть вообще-то слово «самоисцеление» к каждому применимо, кто заразился и пытается бороться? Или, если привит, даже заранее готовится к такой борьбе?

– Это слово сбивает с толку. В строгом смысле самоисцелением называют борьбу с недугом, когда она идёт за счёт чар: не все, но некоторые возбудители не выживают при сильных чарах. Веществ, нужных для сыворотки, от существа, которое недуг победило чарами, взять невозможно – их у него нет. Возбудителей для вакцины – можно попытаться взять. Насколько успешно это делается, не знаю.

– А что будет, если ради опыта или уже ради вакцины такой человек, чудотворец, себя заразит – а с недугом вдруг не справится? Или это невозможно?

– Возможно. Заболеет. Или превысит допустимый для него уровень чар и занедужит уже от этого. Как именно – у всех по-разному, единой «чародейской болезни» нет.

– Угу. А... не знаю: за этим как-то следят? Или если кто-то этой наукой занимается – то заражай себя чем хочешь, никто не остановит?

– Если есть доступ в лабораторию, видимо, так. Никто кроме коллег, если те заметят.

– Понятно. Вы... Если можно, не делайте так, пожалуйста.

– Так я же и не в Кэраэнге.

И сейчас ты встанешь, подойдёшь, обнимешь её. Попросишь: не надо мне любви такой, что на весь мир и на веки вечные, уделите хоть немного, сколько сможете...

Чуть было так и не сделал. Но – в оправе очков замигал счётчик чар. И ты услышал:

– Бенг с парохода, Бенг с парохода! Если слышишь, ответь Райджанге Гундингу.

Голос без звука, Змей его, разумеется, слышит. Откликается:

– Джанга! Театр!

А марбунганка не вскинулась, видимо, к чарам не чутка.

– Рад, если тебе понравилось, – говорит Гундинг. – Ты можешь позвать своего лекаря?

Тут уже отвечаешь ты:

– Слушаю.

– Высокоучёный врачеватель! Вас ищут, прибежали ко мне. Старший матрос с «Бинтуронга». Его приятелю худо.

– Что именно худо?

– Может, подавился? Или удар? Мычит, ничего не говорит. Глаза выкачены. И рот закрыть не может. Они выпивали перед тем.

– Где он сейчас?

– Матрос у меня, приятель его в гостях у здешней своей подруги. Подойдете к нам? В дом Гундингов, это...

– Может оказаться поздно. Где – в гостях?

Гундинг уточняет у матроса, говорит:

– Улица Пангалани, дом 22, отсек 12.

Это название и числа ты повторяешь вслух. Показываешь: дайте чем записать. Марбунганка сама берёт карандаш и листок, записывает.

– Хорошо. Поспешу.

Встаёшь. Ей говоришь:

– Вызывают к недужному.

– Даже здесь, в дороге?

– Я в Охранном отделении числюсь прибывшим. Так что – да. Дело срочное. Можете мне сказать, а лучше – написать, как найти эту улицу?

– Я лучше провожу. Тут совсем близко, если идти через дворы.

(Секретарь)

Затушить весь огонь, запереть дверь. Шляпу на голову, с собой на всякий случай фонарик и деньги. Что нужно взять из припасов? Доктор не сказал. Какие-то снасти у него при себе в дорожной упаковке, что ещё понадобится – непонятно, по описанию слишком разное могло случиться. Но ночной аптекарь неподалёку есть, если будет надо – сбегая к нему.

Врача вызвало Охранное, да не к себе, а на дом. Значить это может что угодно. Или ранили кого-то, да так, что в лечебницу везти нельзя, или одержимый после приступа расшибся, или как-то ещё себе навредил – или кому-то другому. А может, кто-то заболел, и проезжего врача позвали, чтобы местных не дёргать лишний раз. Или только к ночи сообразили: доктор с чудесами, пользоваться надо, пока не уехал...

Дай-то Бог, чтобы не было – столько пострадавших сразу, что местных докторов не хватает.

Во дворах ещё людно: праздник. Кто-то пировал прямо под небом, до сих пор пахнет дымом и едой от уличной жаровни. Но сейчас разошлись, мужчины курят, женщины убирают со столов.

Тихо. А слышно было бы, если в соседних дворах недавно стреляли, чудесили или что ещё? Не знаю, может, и нет.

Вот двадцать второй дом по Пангалани. Тут во дворе только пара на качелях, никого из Охранного или из стражи на виду нет. Собака есть: залаяла на нас, но близко подходить не стала. Спрошу, как идти к двенадцатому отсеку. Ага, вон туда, по средней лестнице.

Было бы совсем всё плохо – соседи бы уже знали и толпились.

Поднимаемся.

– Если боитесь недужных, – говорит доктор, – близко не подходите. А я не знаю, боюсь или нет.

Отворяют сразу. Женщина в нарядном аинге, лет за сорок. И по лицу её похоже: нам сюда. Страшно ей, и стыдно, и досадно, всё сразу.

Увидела чужих, отшатнулась было, я говорю:

– К вам доктор.

– А Руни что ж...

Если Руни – тот, кто бегал за помощью, значит, мы его обогнали.

Пропустила. Внутри тоже никого коронного не вижу. Отсек из двух частей, в проходной половине было застолье. Или хрипит кто-то на дальней половине, или тут тоже пёс, его закрыли за дверь, а он чужих учуял и рывкнул? Лучше бы я это учла. За весь день не видела, как на доктора с его чарами отзываются домашние звери.

Но хотя бы видно, что прямо здесь не дрались – или уже успели успокоиться и прибраться.

– Ведь это здесь доктор нужен?

Еще одна женщина – тоже около сорока, платье, какие берегут на особый случай. И с праздничной причёской, и с таким же лицом, как у той первой, но, может, более собранным.

Заходит на дальнюю половину. Мягко-мягко:

– Доктор, Риджи. Тот доктор пришёл.

Тот – а не какой?

Сам Риджи – немолодой, в тельняшке и моряцких штанах, сидит на неубранной постели, дверь открылась, он дернул головой – отвернуться, и опять захрипел. И рукой заслоняется, глаза отчаянные.

Доктор снимает ранец, ставит возле двери. Глядит без улыбки, но... «Дело серьёзное, но я здесь, значит, всё будет хорошо». На мгновение подошёл к моряку, потом распорядился:

– Мне нужно вымыть руки. Вам пересесть... вот сюда.

В проходной комнате взял табуретку, поставил, где выбрал место. И хозяйкам:

– А вы найдите полотенце чистое.

Моряк вышел, и правда вид – такой, что лучше чужим не смотреть. Больно очень, до слёз, а зубов не стиснуть, даже рта не закрыть.

Доктор его усадил, велел прижаться к стене, сам встал перед ним. И – нет, кажется, это не было чудесное исцеление. Обернул себе руки полотенцем, взялся за челюсть моряка сверху и снизу, качнул – и быстро отдернул руки.

– Главное сделано.

Что первое сказал моряк, будем считать, мы с хозяйками не слышали. Риджи за лицо хватается руками, мнёт, пытается понять, что там как, доктор останавливает: надо наложить повязку.

– Ох! Спасибо, мастер!

Чем перевязать, хозяйки нашли. Доктор продолжает работать и тем временем даёт наказ:

– Повязку не снимать три дня. Стараться рот широко не открывать в ближайшие два месяца. Есть мягкую пищу. Захочется зевнуть – делайте вот так.

Показывает: держа кулак под подбородком, как бы в раздумьях.

Запишу я это, пожалуй, на обоих языках и оставлю моряку, чтоб не забылось. А по-мэйански вслух прочту.

Та женщина, кто из двух Риджина жена, спрашивает:

– А что кушать-то можно, что нет? И принимать чего? Из лекарств?

Доктор отвечает на мэйанском же:

– Обычная еда, но не жёсткая. И не крупными частями. Лекарств не надобно.

Хлопнула входная дверь, чуть не под руки доктору кидается ещё один моряк:

- Старшой, ты живой тут?
- Угу, – отзывается Риджи.
- Что с ним, господин полсотник?
- Вывих нижнечелюстного сустава.
- Фу-ух! А я уж думал...

Это, надо понимать, и есть Руни, приятель Риджи и муж второй женщины. Но если моряки знают доктора по прежнему званию – получается, они с «Бинтуронга», уже знакомы с ним?

Зачем-то Руни объясняет:

– Риджи песню пел, нашу. Про «Сноброд»...

Жена на него: шш! Кабы не случилось ещё чего плохого от этой песни, она же и вообще не к добру. *Прости-прощай, родной Мэйан...*

- Стало быть, пел, и вдруг его как хватит... Я уж думал: удар!
- Петь и разговаривать с осторожностью, – добавляет доктор.
- Угу.

Это сейчас допишем.

И тут – как холодным ветром от двери. Только это не ветер. Поднимаю глаза – там в проёме стоит Райджанга.

Руни ещё что-то рассказывает, благодарит и доктора, и господина Гундинга за то, что доктора вызвал. Джанга будто не слышит.

Он в домашней куртке и в аинге, но в белой рубашке, как под сюртук. То есть моряк застал его уже дома, когда Джанга только вернулся из театра. Ну да, Охранная присяга у него есть, как у каждого, кто играл в Мардийском, независимо даже от чудес.

Смотрит на меня. «Ты здесь?» Не вопрос – откуда взялась тут у моряков, а вообще: ты ещё здесь, хоть и обещала исчезнуть?

И ещё страх. «Ты забыла?» Ладно бы – свои клятвы, это скверно, но ожидаемо. Его, Райджангу, забыла.

«Больше не любишь? Ведь так?» Не любишь, вот и не вспомнила, что отныне надо семижды подумать, прежде чем куда-то выходить, это ведь Джангин город, он тут может оказаться в любом месте в любой час.

«Неужели больше не любишь?»

– Если вы закончили, высокоучёный, выйдемте, – говорит он.

(Отставник)

Мало, но хорошо.

Вывих височно-нижнечелюстного сустава. А не мозговой удар, не удушение куском пищи и что ещё ты по пути перебирал в уме. Мог и без чар обойтись.

В самом деле нужен был хирург, а не другой лекарь. И снастей никаких не требуется. Нужно только повторить то движение, каким вывихнулась головка нижней челюсти, но – обратным ходом. Вниз –

назад – вверх, плавно, постепенно увеличивая усилие. И вовремя убрать руки, чтобы недужный их не прикусил зубами.

Видишь, как человека отпускает страх – хорошо знакомый и тебе, страх не перед болью или уродством, а перед собственной негодностью. «Навсегда таким останешься», не сможешь больше работать... Ты тоже боишься: у человека вроде бы не такие уж сильные челюсти, не как у собаки или обезьяны, но пальцы тебе искалечить могут. Но делаешь своё дело, твой страх проходит, а с ним и тоска. На время.

Взглянул потом, чем ещё хворают эти двое моряков и их подруги. «У вас желчекаменная болезнь, иначе как операцией, её не излечить. В Кэраэнге и в Валла-Марранге этим занимаются. Я сейчас напишу письмо в Кэраэнг, с ним вас там примут.» Написал, отдал. «А вам необходимо лечить зубы. Надеюсь, в Марбунгу найдётся зубной врач.» У меня есть, берёт не очень дорого, – сказала твоя спутница и тоже черкнула записку.

Ты уже больше месяца не оперировал, слишком долгий промежуток. В следующий раз, если где-то застрянешь в дороге, отправишься сразу в местную лечебницу, попросишь: окажите милость, если во врачах недостатка нет – может, хотя бы сиделка нужна?..

Ты берёшь ранец, спускаешься следом за Гундингом.

Он взвинчен, на корабле был спокойнее. После действия ещё не остыл? После встречи с родичами?

Во дворе спрашивает:

– Вы давно знакомы с благородной Гиагат?

– С кем знаком?

Он пытается заглянуть в глаза. Вслух произносит:

– С кем вы были нынче в театре.

Разумея: «Не стройте из себя слабоумного».

А чарами – по-змеиному, грозно: Это Моя Женщина!

В самом деле, имени марбунганки ты так и не спросил.

В театре жрец Гадарру поглядел на Змея, приветствовал его, а тебе беззвучной речью примолвил: если почувете чары от племянника моего – прошу вас удалиться.

Царские потомки, существа гнездовые, с трудом сдерживаются, когда видят себе подобных творящими чары. Даже с большим трудом, чем остальные чудотворцы. Обмениваться приказами – чья воля твёрже, строить наваждения, уклоняться от встречных наваждений... Есть и безусловно вредоносные чары, но чаще в этих схватках каждый вредит себе сам: не соразмеряет сил, слишком долго держит сосредоточение.

Ты не затем уехал из Кэраэнга, чтобы возвращаться к этому здесь.

Бенг мудро держится в стороне. Если ты полезешь в драку – ты не знаешь, как он себя поведёт. И что станешь делать ты, если кто-то попробует чарами ударить его. Вывод очевиден: никаких драк.

– Если дерзну назвать сие знакомством, то примерно с трёх часов пополудни текущих суток. Пытался попасть на ваше представление, госпожа секретарь любезно предложила провести меня по своей льготе.

– Хотите сказать, она не вас встречала в гавани?

– Желания такого за собою не замечал, но сказать могу: не меня. Невозможно встречать утром того, о чьём существовании впервые узнаешь только в середине дня.

Прикидывает про себя. Нет, в его картину событий сказанное не укладывается:

– Не морочьте голову, высокоучёный. Как она очутилась тут?

– Ваш вызов к недужному меня застал, когда я провожал госпожу после представления.

Без чар, просто по-человечьи, Гундинг сейчас бы тоже подрался. А ты хочешь? В кои веки раз противник не выше тебя ростом, сложением если крепче, то ненамного, а злится сильнее. Если преуспеешь, будешь хвалиться потом: одолел четвертьсотника – или кто он есть – Охранного отделения, мечта многих флотских и учёных...

Не хочешь.

Гундинг подступает ближе:

– Действо. Кончается. В десять. Сейчас – полночь.

– А что, по вашему распорядку, следует делать вашей женщине в этот час? Лежать дома лицом к стене и плакать о вас? И так – ночь за ночью, год за годом, до самой смерти?

Отшагнул:

– А кто вы такой, чтоб задавать вопросы? Кто вы ей?

И чарами: Кто Ты Ей?

Никто.

Мог бы сказать: напрасно вы считаете, будто ваша женщина существует только для вас. Даже если для неё вы – весь Божий свет, и получается, вам она небезразлична...

Но честный ответ: никто.

– И действительно, на что мне ваши ответы.

Улица длинная, со многими фонарями. В какую сторону идти к путейцам, ты не сообразишь. Но не беда. Ночь ясная, прогуляешься.

Бенгов хвост свисает с ящика для цветов под одним из окон того самого дома 22, где вы только что были. При вполне обычном дворе – с уличной стороны это весьма нарядное строение. Почти столичного вида, особенно когда украшено образом Змиевым.

Бенг в окно подсматривал, что там теперь у моряков творится?

Лови его.

Спрыгнул, спрашивает:

– А почему так бывает?

Пеняй на себя, если снова не следишь за мыслью своего Змея.

Он подсказывает:

– Это – если слишком пасть разевать?

И изображает, как: ыыыы!

– Именно так, Бенг. Слишком – и на чужое.

В просвете следующей улицы – две башни ворот темнее неба. Выйдете к ним, а оттуда, кажется, трамвайные пути ведут к гостинице.

– Странное чувство: будто я был уже когда-то в этом городе. Или во сне его видел. И как сегодня, мирил каких-то влюблённых.

– А они ругались?

– Или каждому надо было с самим собой примириться сначала.

И даже девушку звали как-то похоже. «Что же мне делать, если я люблю его, а он, а он... как дурак!» И ты отвечал: любить, Гати, как хочешь и как можешь ты сама. И надеяться встретить взаимное чувство – когда-нибудь. Ибо больше тут ничего не сделаешь.

– А мы там вместе были? – спрашивает Змей.

Надо вспомнить. А ведь да, вместе. До сих пор ты думал, что ни разу ещё не видел Змея во сне, – но, похоже, видел, и даже раньше, чем он наяву появился в твоей жизни.

– И мы долго спорили, кому из нас идти сражаться. С кем, уже не помню. Я не знал, что страшнее: тебя отпустить – или пойти самому, а тебя оставить одного.

Бенг уверенно говорит:

– Джанга меня не тронул бы.

– Почему?

– Я ему понравился!

(Секретарь)

– Ты встречала его.

Райджанга уже не спрашивает. Доктору не поверил, наоборот, укрепился в худших опасениях.

После дороги, после двух действий, давно пора отдыхать. Джанга не уходит. Нашёл меня на лестнице моряцкого дома, встал на нижней ступеньке. Одна рука – на перилах, другая ладонью на стене.

«Да, встречала, и сейчас мне пора домой, собирать вещи, завтра я уезжаю: сбегая с заезжим полсотником...» Известный театральная приём: «притворный разрыв», чтобы любимому легче было всё забыть. В восточном действии дама так бы и сказала. Но из меня никудышная резная кукла, даже в темноте я этого убедительно не изображу.

«Прочь, не знаю тебя»? Тем более не сыграю.

– Мне очень жаль, Джанга. Но – нет, не его.

Я обещала. И обманула. Не затем Джанга меня целовал на прощанье, чтобы вернуться – и обнаружить, что я за ним таскаюсь.

– Я же видел тебя. И в гавани, и в театре. И теперь – тут.

В голосе – всё ещё ревность? Или худший гнев?

«Хорошо, вот тебе ответ: я теперь хожу встречать пароходы, цепляю кого увижу почище на вид и не слишком притязательного...» Тоже не сработает. «Джанга связался с очередной женщиной, расстался, и она с тоски пошла по рукам...» Будь так, семья Гундинг уже приняла бы меры, чтобы я хоть их не позорила – раз уж собственной родни мне не жалко? Не знаю.

– Мне очень жаль...

– Пойдём, я тебя провожу.

Пока доктор не вернулся? А то вдруг он за подкреплением отправился, раз уж один на один драться не стал. С Джангой пришёл только Ранда, его слуга и охранник, он во дворе, держится не на виду.

Но если в городе у полсотника были бы друзья, они бы первые ему объяснили: с Гундингами здесь ссориться не надо.

– Я дойду, Джанга.

– Ночь на дворе!

– Или тут подожду до света.

– На чужой лестнице?

– Моряки твои в обиду не дадут. Ты иди, прошу тебя.

Шагнул – на ступеньку вверх.

– Ты же знаешь: никуда я не уйду.

И что делать? А действовать придётся, причём срочно.

– Вот ты съездил в Кэраэнг. Не знаешь, там кому-нибудь из твоей родни или знакомых не нужно секретаря, писаря, помощницы с моими навыками?

– Зачем?

– Мне придётся уехать. Я пока не знаю, куда. Думаю.

– Зачем, Гати?

– Затем, что не смогу, хоть и обещала, здесь – не смогу не попадаться тебе на глаза.

– Когда я говорил, чтоб ты не попадалась?!

– Не говорил. Но чтобы никому про нас не рассказали – я другого пути не вижу, кроме как не пересекаться больше. А в Марбунгу, боюсь, ничего не выйдет.

Ещё на несколько ступенек вверх, остановился почти вплотную:

– Ты нарочно?

Что? Хотела, чтоб ты приревновал? И по-твоему, это лучше?

– Как доктор сказал, так всё и было. Мне нельзя было появляться в Народном...

– Кто говорит, что нельзя?

Да вот доктор говорит: на представлении сразу видно, что я не как актёра люблю тебя.

–... а раз уж я всё равно пошла бы, то решила: пусть хоть слабое оправдание. Провела человека, кому места не хватило. Зачем ему нужно было именно в Народный, я не знаю. Или ты его по дороге впечатлил, или он своего кого-то там встретить надеялся... впрочем, не встретил или я не заметила.

– А что он делал возле тебя на ночь глядя?

– Рассказывал, как он считает: как лучше было повести себя Рабу с Гостьей. Не тебе с мастершей Тамадри, а – им, там, в пьесе. Довольно подробно изложил.

– М-да. И в этом он весь, Гати! Зануда. Зачем он тебе?

Протянул руку, будто сомневается, не оттолкну ли. Взял за руку – как друг, ладонь в ладонь. Повторяет:

– Зачем?

Хоть плачь, хоть смейся.

– Но вот как ты себе представляешь, Джанга: как могло получиться, что я всё провидела заранее? Что найду себе такого... обстоятельного собеседника сегодня на вечер?

– Да если бы на вечер!

– Допустим: мои знакомые (не знаю, кто) решили устроить мою неустроенную жизнь...

– Особенно если ты им говорила... про нас.

– ...написали мне из Кэраэнга: «Первого числа Старца к вам в Марбунгу прибудет отставной флотский врач Такой-то, проездом в Камбурран. Окружи его вниманием! Он, правда, чудовищный зануда, но тебе в Цензуре к таким не привыкать...» Что-то вроде этого?

– Ну да.

– Но какой смысл, если у него жена и дети?

– У него? Откуда ты знаешь?

– Сам говорит. Мои доброхоты могли этого не знать, но ему-то самому известно, что он не жених.

Это, положим, неправда. Что сына любит и хотел бы вернуть, доктор, похоже, не врал, а насчет женщин... Ищет, и по сути, признал: не забав, не приключений, а любовь на всю жизнь.

Но тут ещё кое-кто ведёт себя как жених. Причём оскорблённый, обманутый. А не такой, кто ждёт своей невесты и пытается отделаться от ненужной прежней связи.

– Можно я тоже спрошу, Джанга?

– Да?

– Твоё сватовство... С ним всё в силе?

– Да, на будущие праздники назначен сговор. Но это же...

«...не повод пытаться меня обогнать, найти себе кавалера раньше, чем я женюсь!»

– ... не значит, что на этом всё кончится?

* * *

Не значит. И даже сейчас, когда Джанга проснётся и уйдёт, – тоже не навсегда.

Раннее утро, у окна уже светло. Напишу, что собиралась, начерно, а печатный листок поищу потом.

С доктором вышло совсем нехорошо, и Джанга это признал. Сами выдернули его среди ночи к больному – и не сказали даже спасибо. Значит, напишу письмо.

«Высокоучёному врачу. Пожалуйста, не обижайтесь, и тем более не думайте, что кто-то на вас в обиде...»

«Не на что обижаться: ваша глупость и свинство в пределах обычного. И помогал я моряку, не вам, так что и благодарить не за что.»

Услышал скрип карандаша, поднял голову, поглядел – но так глядеть Джанга может, не просыпаясь. Увидел, что я тут, улыбнулся, будет спать дальше.

Позволь мне остаться беречь твои сны. Можно же будет, наверно, приходить сюда, а в людных местах держаться – не как друзьям, просто как знакомым? Всё равно никто пока не знает, как дальше повернётся, какой будет твоя семья.

По дороге Джанга очень коротко рассказал, как съездил. Барышня Гундинг домой возвращаться пока отказалась.

– Обрадовала! Ей сказали: «Вы годитесь для опытов». То есть не настолько Змиева дева, чтобы совсем не заболеть той гадостью, что они исследуют. Значит, можно привить, потом заразить...

– Ох...

– Вся надежда на то, что эти двое безумных оба любят.

– Не просто тот коллега влюблён...

– Теперь, получается, да: сестре он тоже нужен. Может, хотя бы друг дружку поберегут. Говорю им, что люди – не лошади. И лошадей-то жалко, даже если они не тяжело болеют, но людей тратить на излечение других людей – совсем нельзя! А они будто не слышат. «Каждый учёный тратит своё здоровье на науку, как лицедей на театр, чиновник на службу, родители на детей... Лучше так, чем на глупости какие-нибудь.» Вот ты понимаешь, в чём разница?

– Можно тратить силы как-то... восстановимо. И не считать при этом, как быстро восстановишься. То есть я бы сказала, что нельзя, но – на себя посмотри. И даже жизнь на кон ставить – приходится иногда, наверно. Но нарочно портить своё здоровье... Где не на кон ставишь, а заведомо, десять из десяти, что испортишь его, и – затем, чтобы другим людям именно от этого стало лучше? Это, знаешь, как у боярина Амингера: якобы оттого, что войско его погибнет, он победит. Это уже к какому-то людоедству близко. Я бы прививаться отказалась, если бы состав для прививки таким способом получали.

– А эти двое мило улыбаются и говорят: «Но мы же не совсем люди». Выходит, им можно, раз они Змии. Их тратить можно...

Но всё-таки есть ещё доводы гильдейские и коронные. Что надо быть всячески осторожными, потому что иначе все эти изыскания запретят вообще.

«Любимца» в Кэраэнге примерили к запросам тамошней цензуры. Замену женских ролей на мужские, против ожидания, приняли, но указали на простую вещь, а я – позор мне! – об этом не думала: если ставить действие на арандийском, сразу очевидно будет, снизу вверх или сверху вниз обращается Гость к Хозяину. Ещё до всякого исполнения, просто по подбору слов. Значит, нужны по меньшей мере два извода, а с учётом женской и мужской речи – сколько получается, восемь? шестнадцать? Переиначивать пьесу каждый вечер по ходу игры их Народный театр не готов: нужно, чтобы было всё написано и утверждено.

Так что вместе с Джангой приехал не постановщик и не актёр, а переводчик. Этот мастер и сам пишет для Народного, он должен послушать, как пьеса звучит на мэйанском, причем сравнить, как играет Нуралли, как Анирайя, как другие лицедеи.

– «Не будет ли благоугодно драгоценному посетителю изъяснить, что имелось в виду», как сказал бы твой полсотник.

Да, бывает же ещё вежливость в значении грубости. Это мы тут в Марбунгу выражаемся простецки (кроме Гундингов), и сколько раз я вчера ляпнула что-то совсем бесстыдное – теперь уже не сосчитать.

«Не люди». Если так смотреть, Джанга сам не совсем человек? А в чём? Выносливее прочих лицедеев? Так и те часто играют на износ. Легче поддаётся вдохновению и сильнее увлекает за собой остальных –

товарищей по подмосткам и зрителей? Наверное, только важно же, к чему увлекает. А это выбор человеческий.

(Отставник)

Переборку своего отсека можно задвинуть: так не слышно ни попутчиков, ни путейцев, только шум железной дороги. Места в поезде получается даже больше, чем на пароходе.

Чуть было не проспал утром. Видел во сне Свою Женщину. Её наяву не существует, зато она для тебя всем хороша. Ни на супругу не похожа, ни на кого ещё из знакомых тебе особ. В подростковые годы и в юности снилась чаще, но вот – не забылась ещё. Ласкал её, добился, чего хотел, на радостях сказал ей: забирайся мне на спину и держись крепче, полетим. «Куда? – Домой! Ко мне домой.» И во сне чётко представлял, в какой стороне тот дом, и точно знал: не в Кэраэнге.

Змеиною полёта, с горами, морями и городами далеко внизу, ей не изобразил – проснулся. Но даже успел убрать за собой к тому часу, когда вернулся Змей. Не опоздаешь? – спросил он. Великая загадка: как он следит за временем.

– А зачем, ты думаешь, золотые часы? Змеям любезно золото!

Как у Бенга порой всё просто.

В зверинец в итоге не попали.

– Ну и ладно. Там все взаперти, и птицы – покалеченные.

– Да, чтобы не улетели.

– Мы лучше как приедем, посмотрим, кто там на воле есть!

Животный мир камбурранских предгорий: в самом деле, почему бы не изучить. Орлы, наверное...

Возле поезда тебя поджидал слуга благородного Гундинга с мешком. «Вам в дорогу.» В мешке нашлись большая жестянка кофейных зёрен и маленькая – молотого кофея, четыре пирога, похоже, из той самой кофейни, и письмо на листе с печатной картинкой.

Доктор!

Спасибо Вам за помощь и за наставления! И простите, что вчера расстались как-то глупо. Счастливого Вам пути!

Вы однажды полюбите и будете любимы. Вы очень отзывчивый человек, и кто-то Вам точно так же отзовётся.

Благодарные – Райджанга и Гиагат

На картинке мудрец с посохом, а перед ним некто в шапке с ушами наподобие пороссячьих. Благодарная, видимо, Свинья.

Полюбишь, назовёшь её своей, возможно, даже скажешь ей об этом. Или будет ещё проще, вот как во сне. Полетели домой.

– Это и есть – чего мне знать нельзя?

– Можно, Бенг. Конечно, можно. Только чаще это бывает не как сегодня, а гораздо грязнее. А если наяву, то ещё и подлее. Представь – как если бы вчера я всё-таки настоял на своём. Потому и стыдно, не

хочется, чтобы ты запомнил: между людьми любовь вот такая. Попролам с обидой, жалостью к себе, завистью и мерзостью.

– А надо, чтобы ещё лучше! Как сегодня, но лучше!

– Надо, Бенг...

Тут марбунганцы правы: крепче золота.

– Но слабы люди. Вот я лежу, думаю: чем я хуже, почему у меня нет такой подруги, как у Гундинга... А он занимается своими делами и, может быть, думает: отчего у меня нет такого Змея?

Семнадцать лет спустя

(Доктор)

На улице шум самобеглой махины. Вы ждали его. Ждали – и всё равно сердце обливается жаркой кровью. Как ещё назвать? Где положено быть душе и разуму, только страх, тоска и смертный страх.

Тагайчи, как всегда, держится лучше тебя.

Праздничный день, семь утра, вы готовы. Пора.

Спускаетесь к махине, едете. Улицы Ларбара пусты, четверть часа – и вы в храме Единого на Арандийском подворье.

Сегодня пятое обследование. Руководит ирианг Чангаримбо, служитель царского обряда. Врачей и чародея приглашает он, и он же присылает за госпожой Чангаданг своего водителя на махине.

Скажут сейчас: восемьсот сорок. Восемьсот двадцать. Восемьсот два. «Уровень чар не допускает дальнейшего вынашивания...»

Чем дальше, тем будет опаснее. «Если прерывать, то сейчас.»

Именно этой жизни нельзя явиться на свет. И именно вы должны оборвать её, ты и Тагайчи. И не по воле Господа Единого. Своею волей должны согласиться, чтобы её не стало.

Потому что решились.

Ты думал: больше детей у тебя не будет. У тебя – значит, у твоей женщины тоже? А за что – у неё? И что делать, если ты – её мужчина, и другого ей не надо?

Поначалу она говорила: будь по-твоему. Любовь без детей – это ведь тоже любовь... Поженились, поселились вместе. Она твоя ученица, теперь уже врач, хирург, работать с нею – какого другого счастья можно было желать? Но – нет.

«Ребёнок будет. Сын. Думаю, сын.»

Решились – значит, будете отвечать. Господней мерой, вплоть до казни. Вот этой, дважды в месяц назначаемой казни.

– Семьсот семьдесят девять, – ровным голосом объявляет чародей.

Перепроверяет показания счётчика собственным чутьём. Замеряет чары на себе, пересчитывает. Повторяет:

– Семьсот семьдесят восемь и семь.

Не сегодня. Слава Господу, не сегодня.

Жену твою осматривает лекарка, опытная, видевшая уже внуков первых своих рожениц. Ты ждёшь, ты толком ни о чём не способен

думать. Ниже семисот восьмидесяти, не просто неплохо – очень хорошо для плода, растущего в большом городе, среди новейших машин, чародейских фонарей, сложных приборов на работе у родителей.

Обойдётся?

Будущих осмотров сие не отменяет. Чары непредсказуемы.

Готово. Можешь пройти, помочь жене одеться. Завязываешь тесёмки на её башмачках. Живот ещё не начал расти, но если наклоняться, голова потом долго кружится. Так что лучше – ты.

Лбом прижимаешься к её коленям, жена ладонью проводит по твоим волосам.

– Хорошо. Всё хорошо.

Крытый переход в залу святилища. Ирианг начинает молитву, ты повторяешь за ним. Тагайчи не приняла восточной веры, читает – с одобрения Чангаримбо – одну из западных старинных песней:

– Ты – пловец: в одиночку да одолеешь ты плаванье длиной в три четверти года. Путь, сгубивший больше смертных, чем море и битва, сушь и зной, зима, и голод, и чары, – ты пройдёшь его и да будешь ты жив! Ты, сведший вместе двоих, как не сводят корысть и власть, страсть и ненависть... Жизнь моя вся – в тебе, принадлежит тебе. Воля первого меж мужами, супруга моего, верна тебе, как никому из владык.

Тебе, дитя моё...

И снова в лекарский отсек. Врач – по возрасту как раз между тобой и женой твоей, знающий, разумный. Даёт подробный отчёт по показателям крови, спрашивает о давлении, отёках и прочем. С Тагайчи говорит на научном языке, без долгих объяснений.

Можно домой. До следующих праздников, если – дай то Бог! – раньше не случится чего-нибудь.

Водитель вас ждёт. Госпожа Чангаданг сейчас единственная из женщин в городе Ларбаре вынашивает потомка царей. Более важных дел у храма нет и не может быть.

Вы не поедете, прогуляетесь пешком.

До следующих праздников. И сердце рвётся теперь – от радости. Радость вопреки разуму, но какая же ясная радость!

Ты не загадываешь дальше чем на полмесяца. Снова будешь ждать, какие числа назовёт чародей. Проклинать день, когда родился на свет со своими наследственными чудесами, и тот день, когда первый царь, ещё не царь, спасаясь в бурном море, отозвался Божьему призыву: Ты Мой Змий! – и сделался змием. Но это потом.

А сейчас – воистину хорошо.

– Есть очень хочется, – говорит Тагайчи.

Позавтракать вне дома. В кофейне, открытой с самого утра, и чтобы в ней было мороженое. Или чего-нибудь другого? Тагайчи морщит веснушчатый нос. Еда – это прежде всего мороженое, во вторую очередь свежие огурцы. Другая пища пока не годится.

Пусть сегодня будет праздник. Но какой? Сначала домой и спать, а дальше? Вы не решитесь уехать из Ларбара. Просто выйти к морю, на набережную?

Госпожа улыбается, в рыжих волосах играет солнце. Никакого другого праздника тебе не нужно.

Змей явился. Уселся на полу возле стола. Теперь, разместившись так, он на вас может глядеть чуть сверху. Огромный стал, из животных, ныне обитающих на суше, не с кем сравнить. Больше ледового медведя.

Тагайчи первой отзывается ему, он – ей:

– А я что говорил!

Что всё будет хорошо. А ты не верил. И не веришь, и не поверишь. Будто, если меньше надеешься и больше боишься, это поможет делу.

Если бы сказали: ради вашего сына надо прекратить разговоры с Бенгом, бессмысленно избегать городских чар, если ты сам всё время чудесишь, – что бы ты делал тогда? Ограничивал себя? Уходил подальше от дома перемолвиться со Змеем? Ирианг сказал: не нужно, так вы все трое только сильнее станете тревожиться, тратить больше сил понапрасну.

Одно из воистину необъяснимых чудес – как получилось, что жена твоя Бенга видит, слышит, отлично с ним поладила. Без царского родства, без восточного воспитания, без тяги к чудесам... Может быть, как раз потому, что свободна от всего этого.

Он выгибает шею, заглядывает теперь снизу, и по лицу её видно, каким взором он на неё косится. «Ты что-то задумал, Змеюшка. – Конечно. – Скажи! – Всему своё время...»

– Гайчи, – молвит он, – хочешь в театр сегодня вечером?

– В теа-атр?

Только эта женщина способна даже в мысленной речи растягивать слова по южному, ларбарскому обычаю. Бенг так и знал, что она удивится. И пока не спросила «а как мы туда попадём, надо же было места заказать...» – продолжает словно бы о чём-то обыденном:

– Выступает мой знакомый. Он нас пригласит.

Но сие ещё удивительней!

– Твой знакомый? Лицедей?

– Да. Хотя сам себя он чаще зовёт актёром. Райджанга Гундинг из Марбунгу.

Бенг всё ещё поддерживает давнее и совсем недолгое знакомство. Чарам расстояние не помеха, у Змея есть свои друзья – но, получается, не только в Кэраэнге и среди родни, а ещё и кто-то, о ком ты много лет не вспоминал?

– Ещё бы, – отзывается он. – Как бы я иначе вырос?

Он прав. Ты до сих пор разговаривал бы с ним, как с маленьким, если бы он сам не вырос. Сложно исчислять возраст тысячелетних Змеев, но он сейчас, переводя на людские мерки, – между подростком и юношей, как раз в такую пору дружить хочется больше всего.

Жена спрашивает у тебя:

– Ты лечил кого-то из Гундингов?

– Общего знакомого. Благородный Райджанга возвращался домой на том же пароходе, на котором я в первый раз ехал сюда, на запад. И уже на берегу одному из моряков понадобилась помощь.

– А Вайлиранда Гундинг ему кем-то приходится?

Живописец, чьё имя звучало три с лишним года назад, когда вас расспрашивали по делу подрывников. Вы тогда совсем ещё недолго были

вместе и в первый раз работали при массовом поступлении раненых. А из врачей тяжелее всех пострадала ваша коллега, мастерша Алила.

– Племянником, – подсказывает Бенг.

– Он-то жив?

– Говорят, да. До сих пор под домашним надзором.

Когда вы добираетесь до дому, вас уже ждёт послание. «Народный театр Марбунгу в гостях в Ларбаре». Картинка с пиратами, дамами и какими-то ещё существами: часть из них по верёвочным лестницам взбирается на ларбарский водовод, часть уже расположилась наверху. Приглашение – господину и госпоже Чангаданг. «Рад буду видеть вас на представлении, а потом – окажите любезность посетить нас с женой в актёрской». Подписал сам Райджанга.

Нечасто вы ходите в театр да и вообще в свет. Если жена твоя куда-то выбирается, то обычно с Алилой или со своей сестрою, когда та заезжает в Ларбар по дороге к родителям.

Тагайчи поспала, проснулась, заплела и уложила косы. И о чём-то задумалась. Ты говоришь:

– Если будет душно, людно, неудобно сидеть – уйдём.

– А он какой, господин Гундинг? Может, в гости к нему ты уж лучше сам?

В точности как ты обычно просишь: сходите без меня.

– Если он мало изменился, то с тобой, скорее всего, будет беседовать его супруга.

– Такой чванный?

– Во всяком случае, воспитан был по-восточному. А как держится теперь, не знаю.

– Ну и ладно, не очень-то и надо!

Она когда-то сама выходила на подмостки в школярском балагане. Твой старший сын её видел там однажды, ты – ни разу. Порой, когда скучно, за домашней работой, Тагайчи и сейчас напевает песни из пьес.

Народный театр. Махин перед входом больше, чем извозчиков, и как всегда вечером в Ларбаре, толпа и шум. Служитель ждал вас, проводил на места для особых гостей. И хорошо: не придётся здороваться с коллегами или кем-то ещё, с кем доводилось иметь дело, если они сегодня будут на представлении. Ещё лучше – то, что поблизости есть выход на балкон. И никого, кто сидел бы вплотную.

Внизу перед подмостками, где, кажется, бывает проход для актёров, устроена ладья: многовёсельная старинная пайрана. «Кормчий Снежной кошки», действие из времён между Великой Чумой и Великой же Зимой. Эти годы здешней истории супруга твоя любит больше всего.

Бенг её пристрастия знает. Как и то, что тебе с детства нравились книжки о пиратах. Больше, чем о царских служилых моряках или первопроходцах на службе у мэйанских правителей. Ты примеривал на себя и не представлял, как вышел бы в море на порученном тебе корабле – и в тот же час не забыл бы все присяги.

Может быть, потому надолго и не задержался в военном флоте. Во флотской лечебнице был у тебя наставник – по правде говоря, никакой

власти над собой он не признавал, при всей кротости нрава. А тебе годы спустя, уже в гильдейской лечебнице здесь, в Ларбаре, начальник твой прямо говорил: прекратить «пиратские набеги». Когда ты назначал операции без его дозволения.

Итак, самый знаменитый пират шестого столетия от Объединения, Киджи-Островитянин. Он же сын князя Коинского, лишённый наследства. Коин – значит, музыка, танцы, поединки. Разные личности от юнцов до бывалых моряков пытаются выдать себя за княжича. Но настоящий кормчий вольной ладьи «Снежная кошка» – вот он, его играет, конечно, сам Гундинг. По старинному обычаю князь-отец объявляет выборы своего преемника, их исход предрешён, новый правитель уже предложен Коронай. Все жители Коина это знают и к древку знамени не выходит ни один притязатель – но нет, появляется женщина под покрывалом. «Иначе совсем обидно...» Киджи уведёт её оттуда, и вскоре она станет его подругой, той Ласточкой, к кому обращены многие его стихи.

Потом будут другие приключения. Грабить чужие берега – это для кормчего мелко, в основном он вмешивается в державные дела разных стран и улаживает их. Каким образом? В исполнении Гундинга – чудом убеждения, вполне Змиевым, не напрасно же княжич имел первый ранг в царской Морской палате. Но, по счастью, дело не сводится к чудесам.

Постановка ларбарцам нравится, видимо, на них и рассчитана: яркие наряды, действие быстрое, лиц очень много, кто есть кто и что к чему – ты не разобрался, а спрашивать у жены счёл глупым. Да Тагайчи, похоже, и сама запуталась. Ты понял только, что молодые герои – двое племянников кормчего, один тоже разбойник, но сухопутный, другой королевский наследник и будущий король.

Песни – на стихи самого Островитянина, его родни и друзей, переложённые на нынешний язык. Гундинг поёт много, как же не быть в такой постановке – кабацкой песне, песне по ходу боя, песням любви? В начале действия Гундинг старше своего героя, ближе к концу – моложе, и взросление играет выразительно: телом, голосом, движениями.

*Не останешься невредим,
Распахнувши сердце другим...*

Но не тот это вред, какого хотелось бы избегать. Прожить жизнь без этого страха, и боли, и отчаяния – вот что по-настоящему страшно.

Поначалу жена смотрела и слушала с любопытством. Потом – отстранившись от тебя, прикусив губу – не оттого что дурно, просто действие ей перестало нравиться. Но на этих строках поняла, о чём оно, расслабилась, опять боком прижалась к тебе.

Так бы и сидеть – долго-долго, всю жизнь.

В итоге старый пират похищает племянника-короля с его семьёй и увозит в Кэраэнг. Там они переждут Зиму и потом вернутся, и будут ещё многие века править королевством. Островитянин поднимается на ладью, командует: «Домой!». И весь зал – его. Ларбарские жители хлопают, кричат, кто-то бежит к подмосткам...

Вы выходите на балкон. Вечер тёплый, внизу улица в огнях, здесь – электрических, праздничная толпа.

– Ужасно глупо, – говорит жена. – Я когда только приехала в Ларбар, гуляла, и мне нравилось, что балконы не только на жилых домах, но и на таких вот гильдейских зданиях. Казалось: если кто-то там стоит, то не просто так, особенные какие-нибудь люди. Сбылась мечта...

– Да кто тут в Ларбаре не особенный.

Вы же вроде бы и не пытаетесь сойти за цвет здешней учёности. Жить ещё проще, чем вы живёте? Вряд ли получится.

Бенг зримо не является, но он здесь. Спрашивать, понравилось ли вам действие, не станет, дабы не напрашиваться на похвалы. Говорит сам:

– Райджанга, по-моему, ещё лучше стал, чем тогда в Марбунгу.

– Очень хорош! – соглашается Тагайчи.

– Он – настоящий. Особенно когда играет.

– Да! И песни.

...За то, что ночью этой сказочной – я помню, как я ни был пьян – Меня не называла княжичем, а говорила: капитан...

Так сама она говорит иногда тебе, даже дома: «мастер». «Высокоучёный врачеватель» – только если посмеивается.

А каков Гундинг вне подмостков, сейчас посмотрим.

Всё тот же служитель приглашает вас в актёрские покои. Но сначала ты туда пройдёшь сам, проверишь чары. Насколько ты чуешь, Гундинг после представления излучать может сильно.

Комната довольно велика, от обычного кабинета важной особы отличается разве что зеркалом во всю стену. Гундинг встал навстречу тебе. Ты поздоровался издали, извинился. Снял очки, взглянул на счётчик в оправе – числа умеренные, семьсот шестьдесят два. Он усмехается, поднимает руку: на ней кольцо с таким же, судя по всему, счётчиком.

Ты возвращаешься за госпожой.

Перед Тагайчи стоит девушка-подросток. Платье нарядное, руки сжаты за спиной. Слышно, как она старается придать голосу серьёзность:

– Скажите, пожалуйста, госпожа Чангаданг. Ведь Ваш супруг – знаменитый врач?

Чуть дальше в проходе, за поворотом, кто-то, судя по звукам, очень старается не рассмеяться.

– Да, мой муж – мастер Чангаданг, врач-хирург.

– Но раз о нём знаем даже мы в Марбунгу, то тем более господин врачеватель, должно быть, известен здесь! А простите мою неприличную дерзость: каков его чин?

И что тут сказать? Второй ранг в палате Наук и чар по прежнему царскому счёту?

– Третий учёный разряд, – отвечаешь ты, подходя.

Скорее, всего, это дочка Гундинга. Лицом очень похожа на него.

Поклонившись, она продолжает:

– И если пересчитать на войсковые чины, то получится...

– Четвертьтысячник, хоть я и не вижу смысла в подобном пересчёте. А для чего вам?

За углом, кажется, собралось уже несколько хохотушек. Барышня пока держится:

– Значит, какое-то время назад вы были п... Возглавляли половину сотни?

– Полусотни как таковой не возглавлял, но в чине полусотника врачебной службы коронного флота в своё время вышел в отставку.

– Спасибо! – еле выговорила она и убежала за поворот.

НЕБЕЗЫЗВЕСТНЫЙ! – страшным шёпотом произносят там, и ватага бросается наутёк. Чтобы прохохотаться где-то в безопасном месте.

Кажется, ты понял, в чём дело.

Когда вы вдвоём входите в кабинет к Гундингу, ты спрашиваешь:

– Вы, благородный Райджанга, детей своих пугали «известным полусотником»?

– Сие очевидно, – отвечает он.

И тут же словно бы оправдывается:

– Я не пугал. Я на него ссылался. Когда хотел сказать что-то... сложноподчинённое. Прошу садиться.

Супруга рядом с ним: рослая, статная женщина из тех, кто если уж улыбается, то всем лицом. Дети, видимо, смешливые – в неё. Выглядит она заметно моложе мужа. А он кажется едва ли не старше тебя, хотя крепок, и подвижен на зависть многим сорокалетним. И глаза молодые, с усмешкой. Видимо, от грима кожа быстрее сохнет, чем у других.

Гундинг переводит глаза с Тагайчи на тебя и обратно. «Красивая, мне бы подошла»? «Хороша, поздравляю»? «Ну и зачем такая женщина связалась – Бог знает с кем»? Нет, напрасно ты ждал чего-то подобного. Мужского взгляда на твою женщину, и ты бы, как обычно, разозлился, но сдержался, и вы ушли бы поскорее. Нет, одно лишь удивление:

– Ни за что бы не догадался! «Госпожа Чангаданг»!

И слышно, кого он себе представлял: чрезвычайно унылую учёную даму, под стать тебе. А не совсем ещё юную, рыжую и с веснушками.

– На самом деле, – говорит его жена, – Джанга детям сказки каждый раз досочиняет от себя. И вот когда запутает всё и не знает, как устроить дальше, чтоб все спаслись, вот тогда-то появляется Полсотник. И даёт мудрый совет.

– А его никто не слушает? – понимающе спрашивает Тагайчи.

– Но принимают к сведению!

Твоя жизнь, тайная для тебя самого. Кто бы мог подумать, что прославишься ты именно непрошеными советами. Хотя, если посчитать, сколько ты их раздал по разным городам Объединения...

– Всего детей...?

– Шестеро.

Тагайчи жмурится: как много! Ты качаешь головой. Заметив это, госпожа Гундинг добавляет:

– Все наши, но не все мои. А у вас?

– Ждём первенца.

– О!

Гундинг молвит – не сосредоточиваясь, но и не светским, а лицедейским голосом, если ты верно помнишь разницу между актёрством и лицедейством:

– Да будет встречен доброю водой, клинком и чистым полотном, привечен мёдом, хлебом и песней!

Но не ответить гадостью на его радушие ты всё-таки не можешь.

– А не знаете ли, что случилось с той особой, секретарём из Цензуры?

Гундинг кивает, словно бы ждал вопроса:

– И правда, что с ней могло случиться? Полчаса как должна быть тут.

Ездит с его семейством и театром как старейшая поклонница? Или он всё-таки взял её к себе?

– Я позову, – говорит госпожа Гундинг.

И в самом деле вскоре возвращается с тою женщиной. Она мало изменилась, хотя возраста не скрывает: седина в волосах, черты стали острее. Наряд по-прежнему – чёрные штаны и рубашка. Глаза не печальные, просто взрослые.

– Попыталась успокоить детей, – говорит она Гундингу. – Без толку. Они просят их извинить.

Какое-то время глядит на тебя и на Тагайчи. Улыбается:

– Приятно чувствовать себя Слепой Пророчицей.

– Почему? – спрашивает твоя жена.

– Однажды предсказала, что доктор будет счастлив. Очень-очень счастлив в любви.

– И стало так, – подтверждаешь ты.

Где-то у тебя должен храниться листок с тем предсказанием.

Дамы отсели на женскую половину кабинета. Гундинг рассказывал о службе – теперь уже он возглавляет марбунганский театр. Вручил тебе книгу: «Сочинения для Народного театра», пьесе его собственные и совместные с кем-то. Говорил о детях. Все пока учатся в школе, в месяц Старца их отпускают домой, вот он их и взял с собой в Ларбар. Дети госпожи – девочка и двое мальчишек. Ещё двое, близнецы, мальчик и девочка, – дети секретаря. Шестая – на самом деле племянница, дочь брата, но с тех пор как мать её скончалась, растёт вместе с детьми благородного Райджанги. Младшая сестра того самого Вайлиранды.

– Вы его в Ларбаре встречали? Он тут был... одно время.

Ты отвечаешь:

– Нет, мы уже имели дело с последствиями.

– Понятно. Мальчик с детства хотел, чтобы ему открылись чудеса. Стал прекрасным художником и, по-моему, хорошим поэтом, но ему было мало. Начал принимать дурман, надеялся – тело воспротивится...

– Попытается самоисцелиться, а сие уже есть чудо?

– Да. Как сам я однажды, из-за чего из школы вылетел. Но у Ранды ничего не вышло. Бродяжил, потом его вернули домой. И Змиевы дары всё-таки явились. С тех пор сидит под замком и работает. Мои девчонки и ребята, слава всем богам, родились без даров.

Дети его на подмостки пока не выходят, хотя сам Гундинг в их годы уже учился лицедейскому искусству. Близнецы для себя выбрали другое: кино. Парень неплох в механике, осваивает съёмку, а сестра его собирается играть. До сих пор в Объединении кино снимают в основном для нужд науки и гильдейского обучения, иногда – на память, события, важные с точки зрения Короны. Постановки с актёрами – дело редкое,

молодёжи любопытно. Другие дети пока не решили, чем будут заниматься.

И всё же – как получилась именно такая семья?

– Матушка мне сосватала замечательную невесту. Другой такой, как Айнирри, правда нет на Столпе, я думаю. Они с Гати учились в одной школе, только с разницей в шесть лет.

– И были – если переводить на мерки мужской школы, как «старший и младший», одна у другой под личным присмотром?

– У благородных девиц такого нет, да и в моей школе не было, хоть я и слышал, в Кэраэнге принято так. Нет, просто знали уже друг дружку, и поладили между собой – чуть ли не лучше, чем со мною.

А сестра Гундинга, та, что работала в Кэраэнге, жива. Книга её и её коллег у тебя есть, «Предупреждение заразного крупа у детей и взрослых», почему-то ты думал, что посмертная. Но нет, высокоучёная госпожа опытами и чарами сильно подорвала здоровье, однако жива, и даже обитает не в лечебнице, а в собственном жилье. «Вышла замуж за своего царевича, когда стало ясно, что детей у них не будет. Мне сложно понять, но тоже – счастливы оба.»

Домой вас предлагали подвезти, жена сказала: пройдемся пешком.

Дамы, по её словам, держались разумно, не потчевали её ничем кроме чая с лимоном, говорили – о важном для неё, о вынашивании царских потомков. Они же сами через все проверки прошли, свои показатели до сих пор помнят наизусть.

Как госпоже-секретарю врачи и кудесники позволили выносить двойню, трудно понять. Если бы врождённые чудеса явили оба плода сразу, да стали бы усиливать друг дружку... И воистину чудо Божье, что при всём влиянии Гундингов в их родном городе наблюдение велось всерьёз, а не чтобы угодить родителям обнадёживающими разговорами. В своё время в Кэраэнге дом Чангаданг на такое оказался неспособен.

Господи Единый! Дай нам с женой честных и знающих врачей, чародея и священника! И каждому, кого сие коснулось.

– Всё равно не понимаю, – говорит жена. – Когда дома одна семья, а на работе другая, этого мне тоже не понять, но это дело частое...

В Кэраэнге, в Малой царской лечебнице, она такие семьи видела во множестве. Да не то чтобы их не было и у здешних ваших коллег.

Так могло сложиться и у вас. Но ты всё-таки развёлся, благо сестра твоя и мать твоего сына давно снова признана правоспособной, преподаёт чародейство... И отец твой, и сын приняли Тагайчи. У свекра в доме она даже провела несколько месяцев в Кэраэнге без тебя, когда готовилась к испытаниям на первый учёный разряд.

– Но когда все живут вместе, и служат вместе, и дети общие...

– Жена и наложница, как в старые времена. А чем эти дамы занимаются помимо семьи?

– Та госпожа, которая Айнирри, театральная художница. Вот всё это пёстрое, яркое в их постановке – её работа. А та, которая Гиагат, секретарь театра. А уровень у них, как они говорят, и до восьмисот поднимался. И вот – ничего... А чем снижали – делом. Гулять, к морю ходить, это всё да, у госпожи Гундинг ещё – на конюшне работать. Но

главное – вообще делать то, с чем справляешься без чар. Чтобы на чары меньше времени оставалось.

– Вполне здравая мысль.

Ты же и не уговариваешь бросить лечебницу. И сам на работе научился вполне обходиться без чар.

Домой и спать. Во всяком случае – лечь. Жена устала, но ещё какое-то время будет со Змеем говорить про постановку, про пиратов и актёров. Ты тем временем измеришь чары: семьсот шестьдесят девять. И всё-таки найдёшь книгу госпожи Гундинг. Достанешь из неё листок. Когда-то давно нашёл у себя среди бумаг послание от Благодарных Свиной – и заложил именно в этот том.

– Ибо во всём должна быть система.

– Как сказал бы Тот Самый Полсотник?

Дай-то Господь, чтобы когда-нибудь у вас в семье тоже появились старые байки, оттого и смешные, что повторенные уже тысячу раз. У тебя не так много времени впереди, и всё же...

Нет. Не загадывать. Счастье – сейчас, дальше будет что будет.

– Я верно понимаю, – спрашивает жена, – что ты про себя и Гундинга о чём-то... недоговорил?

«Солгал? – Или умолчал о чём-то не столь благостном, как прочее.»

– Пусть Бенг расскажет.

– Лучше ты сам, – возражает Змей. – Я тогда был совсем мал.

«И он тебя ни во что не посвящал? – Старался уберечь от гадостей людского мира – Но он же любя, Змеюшка» – Любя-то любя, а вспоминать до сих пор обидно!»

– Хорошо. Мы с благородным Райджангой в Марбунгу, уже выйдя от пострадавшего моряка, едва не подрались.

«Почему-то так я и думала.»

– Из-за чего же?

– Удержались оба. А причина – как всегда. Я вышел за рамки своего ремесла и стал его поучать. Насчет того, что есть любовь. Он, разумеется, со мною не согласился.

– А что есть любовь по его мнению?

– Не знаю, так ли сейчас, но тогда сие чувство он выражал всего одним словом: «Моё!».

– Это на него похоже.

«И не на него одного...»

– Хотел бы я думать, что хотя бы иногда говорю наоборот: «твой», «ваш»... Но на самом деле «мои» – мне тоже нравится.

Ты потушишь свет и тоже ляжешь. Завтра спать до полудня – а потом к морю.

– Значит, сбываются? – говорит жена. – У госпожи Гиагат.

– Её предсказания? Ну вот хотя бы одно – да, исполнилось. Хотя семнадцать лет назад ничто не предвещало. А что?

– *В должный срок дитя родится, в свой черёд превзойдёт отца.* Она мне так сказала. И ещё: «Самое трудное будет ему, сыну вашему, найти себе какое-то дело, чтоб не тягаться с отцом и с вами, а всё-таки каким-то хитрым образом обоих вас превзойти.»

Хоть бы сбылось. А там уж – пусть превосходит.